

ОВАНЕС АЗНАУРЯН

ТРИ ЦЕРКВИ

Все меняется, но люди и память о них – остаются

Ованес Азнаурян

Три церкви

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31(479.25)

ББК 84(5Арм)-44

Азнаурян О.

Три церкви / О. Азнаурян — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-04-102695-0

Миры периодически рушатся... Будь они внешние или внутренние, но всему в какой-то момент наступает конец. Это история обширного армянского рода, ведущего начало от арцвабердского крестьянина Унана. Наблюдая за ним и его потомками, мы видим, как меняются жизнь, время, устои. Как один устоявшийся мир исчезает и на его обломках возникает другой. Всё меняется, но люди и память о них – остаются.

УДК 821.161.1-31(479.25)

ББК 84(5Арм)-44

ISBN 978-5-04-102695-0

© Азнаурян О., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Часть вторая	36
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ованес Азнаурян

Три церкви

*Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! Камни
святителя раскиданы по всем перекресткам (4:1).*

*Отцы наши грешили: их уже нет, а мы несем наказание за
беззаконие их (5:7).*

Пророк Иеремия

Армения – потусторонняя страна.

Алиса Ганиева

© Азнаурян О., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

На обочине дороги, горной, извилистой, беспокойной, превращающейся порой в тропинку, а то и вовсе исчезающей – так что машина вынуждена была ехать наугад, вернее, «на ощупь», – был родник в скале, и они остановились, чтобы запастись водой.

Воздух был чистым и с утра свежим. Дул легкий ветерок. Выйдя из машины, Нонна сказала, что все-таки удивительно, какой здесь чистый воздух, не то что в городе, где нечем дышать. Она это говорила каждый раз, когда они ехали в Берджи, то есть почти каждое воскресенье, и ему, Гарику то есть, это уже надоело и стоило невероятных усилий, чтобы сдержаться и не взорваться, а только вздохнуть: «О, господи!» – на что Нонна не обратила никакого внимания.

Наполнив канистры, они вернулись в машину; Гарик завел мотор, и они поехали дальше. Дорога все время уходила вверх.

Они были муж и жена и ехали в горное село Берджи, которое находилось в пятидесяти километрах от города Еревана, где они жили. В столице они оба и работали врачами.

Несмотря на относительную близость, до Берджи можно было добраться лишь за час, а то и больше. Дорога была опасной и настолько узкой, что на ней две машины вряд ли могли поместиться рядом, а бесчисленные повороты просто изводили водителей. Справа были скалы, грозно свешивающиеся над дорогой и пугающие водителей частыми камнепадами; слева же на протяжении всего пути была пропасть. А далеко внизу была долина, выжженная солнцем. Сверху, с дороги, были видны три села, находящиеся друг от друга на небольшом расстоянии (во всяком случае, так казалось сверху), кажущиеся тремя зелеными островками среди этого безжизненного океана. Дальше поднимались цепи высоких синих гор, которые были видны из-за не сгустившейся пока еще дымки. За горами была уже другая страна.

– А интересно, как там, за горами? – спросила Нонна, открывая одну из маленьких канистр, чтоб выпить воды, и выливая воду себе на юбку в цветочках. У нее были красивые волосы, красивые ноги и красивые очки.

– Не знаю, – ответил муж. – Не все ли тебе равно? – Гарик переключил скорость и, секунду посмотрев на горы, снова сосредоточился на дороге.

На этой дороге часто случались аварии. Недавно, например, в пропасть из-за тумана свалился рейсовый автобус, возивший отдыхающих из пансионата в город. Пансионат этот был в поселке Кармрашен, и пассажиры автобуса все ехали в Ереван. В Ереване они должны были сесть в самолет и лететь по домам, но все они, в том числе и шофер автобуса, погибли. Автобус с трудом вытащили из пропасти с помощью огромного крана.

Гарик почему-то вспомнил об этой аварии. Это было как раз на этом участке пути, и, несмотря на то что он знал все повороты и вообще всю дорогу наизусть, решил быть внимательным и не рисковать.

Было лето, и было утро, и было прохладно, и дымка еще не сгустилась над долиной и не скрыла синие горы, за которыми была другая, бог весть какая страна, но уже через час-полтора все изменится. Станет невыносимо жарко, асфальт закипит, и от этого станет еще жарче; синие горы исчезнут, исчезнет и долина внизу, и три села уже не будут видны; все изменится, как будто и не было ничего...

Впереди был последний поворот, который Гарик отлично взял. Подъем кончился и пропасть слева тоже, и уже пошли поля. Справа тоже было поле, у края которого начинались дома, поднимаясь по склону невысокого холма. Дом друга Гарика и Нонны, к кому они приезжали в гости почти каждое воскресенье, был одной из нижних в этой лестнице из домов, и из окон открывался прекрасный вид на поля и долину внизу.

Машина остановилась у зеленых ворот. Нонна вышла и, потянувшись, сказала, что удивительно, какой здесь великолепный воздух, не то что в городе...

«Ну и черт с тобой!» – подумал Гарик и пошел открывать ворота.

Догадывалась Нонна уже давно, но неделю назад убедилась в том, что Гарик завел себе любовницу. «Поживем еще немного так», – думала Нонна, у которой были красивые волосы, красивые ноги, красивые очки и юбка в цветочек. Но она не знала, что очень скоро Гарик бросит все, бросит Ереван и поселится в этом самом поселке Берджи. Он будет звать с собой и ее, но она не согласится...

Часть первая

Глава 1

Унан был коренным арцвабердским крестьянином. Занимался земледелием и садоводством. Был знаменитым в округе кузнецом и родил троих сыновей: Григора, Ахагюля и Месропа. Первую мельницу в Арцваберде, которая действовала многие годы, построил именно он. Прибыль же с нее распределялась поровну между семьями сыновей, которые разделились, построив собственные дома, но все равно продолжали жить одной большой и шумной семьей.

Григор долгие годы был кехвой¹. Ахагюль же, известный своей начитанностью, мудростью и стремлением к самообразованию, стал земледельцем, посадил большой фруктовый сад. Ну а Месроп в совершенстве владел ремеслами каменотеса, укладчика стен и кузнеца. Он также занимался садоводством. Говорят, стены медеплавильни, основанной в Дзорке предпринимателем из Шуши Мелик-Азаряном, воздвигал именно варпет² Месроп Унанян. Он же выстелил ложе первого в Дзорке оросительного канала, когда Дзорг только-только готовился стать городом.

У Месропа Унаняна было два сына – Ашот и Арам. Оба окончили местную двухлетку, а став постарше, уехали на заработки в промышленный город Баку. Арам стал работать на заводе, окончательно обосновался тут, обзавелся семьей. Погиб в результате производственной аварии в 1924 году, в возрасте сорока одного года. У него был сын, Грачик, который не вернулся с фронта Великой Отечественной войны.

Ашот в Баку надолго не задержался, уехал в Пятигорск, а потом, узнав о смерти отца, вернулся в родное село, чтобы стать во главе отчего дома. Женился Ашот в 1904 году на дочке почтенного Тер-Аветиса прекрасной Ашхен, которая родила ему четверых детей. Самым младшим из них был Аршак. Но 4 ноября 1914 года в возрасте двадцати восьми лет прекрасная Ашхен умерла, и дом Ашота осиротел. Ашоту с малолетними детьми – особенно с двухлетним Аршаком – помогали теща Ехсапет и свояченица Астхик. Как *первую* маму Аршак запомнил именно тетю Астхик. Ашот женился через три года во второй раз на вдове из села Мегануш, дочери Ависа, пользовавшегося большим общественным авторитетом как сельский глава. Ее звали Парандзем. Выбрал Ашот Парандзем еще и потому, что та была бесплодна, как ему сказали. Но это оказалось не так. Парандзем подняла пришедшее в упадок хозяйство и родила мужу восьмерых детей. Самого младшего, 1936 года рождения, Парандзем назвала Мамиконном в честь утонувшего в реке брата.

Период благосостояния длился недолго, и колесо истории Ашотова дома вновь завертелось вспять. В 1930 году колхозными стали коровы, овцы, свиньи, пчелы и даже двухколесная арба. Старшие дети, включая Аршака, покинули Арцваберд и обосновались в Дзорке, начав работать на медных рудниках. Ашот погиб в 1938-м: упал с дерева, собирая для колхоза орехи. Парандзем умерла в 1939-м, в возрасте сорока трех лет. В том же году обобществили большой фруктовый сад, посаженный некогда Ашотом. Двенадцать детей были вынуждены либо сами зарабатывать на пропитание, либо жить на иждивении родственников, старших братьев и сестер.

Аршак все детство провел в Арцваберде, а юность – в Дзорке. С малолетства помогал отцу Ашоту пасти скотину, ухаживать за садом. Перебравшись вслед за старшими братьями в город, Аршак получил образование в техникуме при медноперерабатывающем заводе и в даль-

¹ Сельский староста (*арм.*).

² Мастер (*арм.*).

нейшем уже никогда не покидал Дзорка, если не считать годы Отечественной войны. Женился Аршак на Соне из семьи бывшего священника села Арчадзор, дочери Шмавона, погибшего из-за схода лавины, когда он вез через перевал оружие для фидайнов³. У Аршака и Соны было три дочери – Норетта, Клара и Ашхен, названная в честь матери Аршака, которой он никогда не видел.

Аршак всю жизнь занимал высокие должности, с тридцатых годов работал в райкоме партии, а после войны был даже первым секретарем горкома, то есть мэром; тогда-то Дзорк стал действительно городом и начал процветать. Если поехать в Дзорк, то можно будет и в наши дни увидеть посаженные Аршаком платаны вдоль рек Ган и Чаги и пройти по улицам, им же проложенным. Именно Аршак всю жизнь помогал самому младшему сыну отца от второго брака Мамикону, единокровному брату, взяв его жить в дом. Из дома Аршака и Соны Мамикон Ашотович ходил в школу, из их дома уехал учиться в Ереванский политехнический институт. Но Мамикона убили в шестидесятом году. Несмотря на высшее образование, полученное в Ереване, Мамикон Унанян вернулся и, обосновавшись в родном селе Арцваберд, стал простым механизатором. У него был отличный голос, он прекрасно пел. И вот однажды на своем комбайне, единственном, кстати, в колхозе, он собрал хлеб с полей, что простирались за селом Арцваберд, лег отдохнуть немного под деревом, за маленьким оврагом, и, по обыкновению, зашел. Громко, звучно, прекрасно! В тот день он пел фидайские песни, восхваляющие зоравара Андраника⁴ и национальную борьбу. А потом заснул там же, в тени деревца, рядом со своим комбайном. Тогда и зарезал Мамикона азербайджанский пастух из соседней деревни Парахли, что пас своих овец на лугах неподалеку. Зарезал из-за песен...

В доме Аршака и Соны проживал также и сын фронтового друга Аршака – Сурена родом из села Багаберд. Когда Сурен умер, Аршак и Сона взяли к себе в дом его единственного сына, маленького Рафика, оставшегося сиротой. Он тоже из дома Аршака и Соны ходил в школу, из их дома уехал учиться в Ереванский политехнический институт, именно у них дома жил первое время, когда женился на Норетте, старшей дочери Аршака и Соны, пока не обзавелся собственной квартирой. Не без помощи тестя стал Рафик впоследствии директором дома отдыха в Кармрашене, потом занимал всякие чиновничьи должности, а потом неожиданно для всех разбогател. Аршаку Унаняну это не нравилось. Ему не нравились богатство и пронырливость зятя.

Аршак Ашотович, почетный гражданин города Дзорк, бывший первый секретарь горкома партии, бывший директор птицефабрики «Дзорк», бывший председатель Совета ветеранов войны и труда, к концу жизни писал автобиографию, историю своего рода и родного города. Ему многое не нравилось в новой жизни, и он лишь время от времени, вздыхая, говорил жене Соне:

– Больше всего жалею Мамикона. Он все пьет и пьет.

– Во всем виноват твой зять! Он тоже пьет! Поэтому и внук у тебя алкоголик. Виноваты Рафик и еще мир, который сошел с ума! – констатировала бабушка Сона. Бабушка Сона всегда считала неправильным, что Норетта, старшая дочь, назвала своего единственного сына в честь дяди, зарезанного азербайджанцем из села Парахли, то есть Мамиконом. Ведь и тот был назван в честь брата Парандзем, мачехи Аршака, утонувшего в реке Воротан.

– Да... – вздыхал обычно дедушка Аршак, соглашаясь с женой. – Мир сошел с ума. – И думал: «Миры периодически рушатся. Рождаются и исчезают звезды, галактики. Рушится

³ Армянские фидайи (*западноарм.* Ֆեժայի («федаи»), *восточноарм.* Ֆիճայի («фидайи»), также армянские нерегулярные части, армянская милиция – гражданское население Армении, добровольно оставившее свои семьи с целью принятия участия в формировании подразделений самообороны и вооруженных отрядов в ответ на массовые убийства армян (*Википедия*).

⁴ Андраник Торосович Озанян – один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX – начала XX века, национальный герой армянского народа. Также известен как *Полководец Андраник*, *Генерал Андраник* (в Российской империи).

жизнь. И вот мир в очередной раз пошел к чертям». Но это уже было в девяностые, в эпоху страшных зим.

А пока...

А пока в очередной раз мир рухнул. Через семь лет после того, как погиб отец Аршака – Ашот, и через два года после того, как умерла Парандзем-мама⁵. В июне 1941 года, когда Аршаку Ашотовичу было всего двадцать восемь лет, в райкоме партии Дзорка состоялся пленум. На пленуме, как всегда, присутствовал сотрудник районного НКВД – Баграт Шаваршович Киракосян, комиссар НКВД («полковник Баграт», как он любил представляться. Комично это звучало, по правде говоря. Высокий, красивый, усатый, сероглазый «полковник Баграт».) Он-то и выступил в конце заседания с речью, в которой, коснувшись международного положения и приведя цитаты из речей великого вождя всех времен и народов Сталина, указал на то, что в Дзорке все еще проживают недобитые интеллигентские личности старой формации, которые могут быть опасны именно в силу своего гнилого происхождения – таких людей надо арестовывать, и если не расстреливать сразу, то хотя бы отправлять в ссылку. Тогда это называлось «чистками».

– Например, – сказал Баграт Шаваршович, – небезызвестный в Дзорке школьный учитель Айк Ависыч! Да, именно Айк Ависыч. Неизвестно, как он учит наших детей и насколько вредно его «воспитание» в целом. Арестовать! Причем надо добиться того, чтобы в этом деле – в деле очистки нашего города от недобитых интеллигентов – работники райкома принимали самое действенное участие. Поручим подобные дела нашим младшим товарищам. Мы предлагаем разоблачение школьного учителя поручить Аршаку Унаняну. И ничего, что Айк Ависыч – кери⁵ товарища Унаняна. Аршак Ашотович, хоть и член партии, сам был сыном середняка, и поэтому мы обязаны проверить его. Мы, товарищи, должны быть бдительными относительно своих собственных рядов...

Сразу после пленума член партии с 1930 года товарищ Саргсян, человек уже пожилой, держа в руке смешную фетровую шляпу, со всех ног бросился в сторону железнодорожного депо. Двадцативосьмилетнего Аршака Ашотовича Унаняна он нашел именно там. Подойдя к нему очень близко, товарищ Саргсян быстро зашептал ему в ухо, почти не размыкая губ:

– Был пленум. Тебе поручили фактически арестовать Айка ами⁶, но ты не должен этого делать, потому что он брат твоей матери. Поэтому сделай так, чтобы тебя не нашли в Дзорке сегодня: тебя отправили в Баку передать тамошним товарищам секретный пакет. Вот этот пакет. Должен был отвезти я, но отвезешь ты, потому что я «заболел». Все.

Аршак Ашотович все понял и прямо в железнодорожном депо сел на лошадь и ускакал в Баку. Айка Ависыча все равно арестовали. И сослали на Алтай. В родной Дзорк он вернулся уже после XX съезда партии⁷. Но зато Аршак Ашотович не запятнал свою совесть и остался жив (ведь если бы он не выполнил решение пленума, его наверняка расстреляли бы). А 22 июня 1941 года началась Отечественная война, и уже всем было не до него – мир был разрушен в очередной раз.

Война закончилась для Аршака Унаняна чуть позже, чем для других. До сорок шестого года он оставался в освобожденной Праге и вернулся оттуда с необычным подарком для бабушки Соны: набором из скатерти и шести салфеток, красиво расшитых узорами. Так вот: скатерть и пять салфеток были голубого цвета, а одна – желтого. На недоуменный вопрос бабушки Соны, почему одна салфетка другого цвета, Аршак объяснил, что такой же набор приобрел его боевой товарищ Сурен из Багаберда. Только у Сурена скатерть и салфетки были

⁵ Дядя, брат матери (арм.).

⁶ Дядя, брат матери (тур.).

⁷ Съезд Компартии Советского Союза 1956 г., на котором был осужден культ личности Сталина.

желтыми. Вот они и обменялись одной салфеткой в память друг о друге и о Праге. Этот набор бабушка Сона хранила до конца своих дней. Несмотря ни на что.

Уже после войны у Аршака и Соны родилась третья дочь, Ашхен, любимица. А в марте 1974 года – любимый внук, Аристакеc. Мужа Ашхен звали Вардан. Ашхен и Вардан познакомились восемнадцатого мая.

Ашхен прекрасно помнила этот день. Был чей-то день рождения, и Ереван, куда Ашхен приехала учиться на филфак Государственного университета из родного Дзорка, был весь заснежен тополиным пухом, а на улицах продавали сирень...

Еще совсем недавно всем казалось, что наступил решительный поворот в истории XX века: рождались новая музыка, новая поэзия... Молодежь поверила в будущее, потому что жить стало немного легче. Были шестидесятые с их «yes, yes, yes», а до «no, no, no» семидесятых было еще далеко.

Совсем еще недавно, в 1959 году, победила революция на Кубе, и Фидель Кастро стал героем. Сочинялись песни о «борбудос», и в газетах появлялись фото Фиделя в обнимку с Эрнестом Хемингуэем. Все читали Хемингуэя, и каждый считал своим долгом иметь дома его фотографию, где он в толстом свитере, и уже ясно было, что Хэм пишет лучше, чем Ремарк, хотя и «Три товарища» знали все наизусть.

Начиналась эпоха, эра свободы и великих иллюзий. Уже состоялась встреча Джона и Пола, хотя и Ричард Старки еще не знал, что он помешан на кольцах, перстнях, и вообще еще никто не знал, что этот маленький мальчик с большим носом и есть Ринго Старр...

А в Париже уже пел маленький Шарль, и эпоха Эдит Пиаф и Анны Маньяни уходила в прошлое и становилась легендой.

Все были влюблены в Джона Кеннеди, и никто еще не думал, не предполагал, что возможен Даллас, и мир был благодарен ему за телефонный звонок в Москву, спасший Карибы и весь мир.

В ереванских кафе (например, в «Поплавке», или «Парусе», как теперь оно называется, напротив драмтеатра) часто звучали стихи. Просто кто-то вдруг вставал и начинал читать свои стихи. И уже были узкие брюки, и в моду вошли водолазки. Модно было говорить о физике, атомах, космосе (человек полетел в космос!!!), об альпинистах или геологах. Модно было носить бороду, пускаться в дальние походы с рюкзаком и гитарой за плечами. Жизнь казалась легкой, и за горизонтом таилось будущее, светлое-светлое...

Вардан и Ашхен точно помнили, что это было восемнадцатого мая, когда уже наступили семидесятые, и Ереван был заснежен тополиным пухом, и на улицах продавали сирень...

Они собрались у кого-то на дне рождения, все были молоды, пили шампанское и танцевали под «Beatles». Вардан сел рядом с Ашхен и курил сигарету за сигаретой, а она ела апельсин, и он сказал, что ему это напомнило Хемингуэя, и это сразу же подкупило ее, потому что она была помешана на «папе Хэме», особенно ей нравилась «Фиеста». Они познакомились, и он признался, что не любит «Beatles». Ей это показалось страшно оригинальным, хотя сама она очень любила песню «Мишель». Зато он был без ума от Шарля, и это решило все, ибо она тоже была от Шарля без ума. Ашхен решила, что это и есть ее Жан-Луи Трентиньян, хотя Вардан и не был гонщиком. В ту пору она носила прическу а-ля Ануk Эме и поправляла волосы, совсем как героиня фильма «Мужчина и женщина». Ашхен очень любила этот фильм, правда, ему он не нравился, но в то время это не имело значения, а в тот самый день, восемнадцатого мая, ничего вообще не было, только она решила, что это – ОН. Вардан же вообще никаких решений не принимал и даже осознал, что любит Ашхен, много позже, и тогда они поженились. Ашхен мечтала дать своему сыну имя Аристакеc. Это имя нравилось ей всегда, и Вардан принялся рассказывать, что был такой святой Аристакеc Первый, который родился в Каппадокии, был вторым армянским католикосом, младшим сыном святого Григория Просветителя.

– Того самого Григора Просветителя? – спросила Ашхен.

- Конечно! Аристакеc был сыном Григория Просветителя, который, в свою очередь, был сыном Анака из парфянского рода, убийцы отца царя Трдата Великого – Хосрова.
 - Как ты много знаешь! – восхитилась Ашхен.
 - А еще моего отца зовут Аристакеc... – добавил Вардан.
- И когда мальчик родился, Ашхен и Вардан дали ему имя Аристакеc.

Глава 2

Тогда Аршак Ашотович Унанян уже построил дачу в Кармрашене, в двадцати четырех километрах от Дзорка, по дороге в Веревунк.

На дачу в Кармрашен ездили каждое лето. После девяносто первого года, то есть после наступления независимости, дачный поселок Кармрашен стал для дочерей Аршака и Соны и для внуков и внучек потерянным раем. Потерянным навсегда. После девяносто первого уже ничто не было таким, как прежде. Ведь миры периодически рушатся. Периодически рождаются и исчезают галактики и звезды. Периодически рушится жизнь.

А в те времена, когда еще казалось, что устоявшийся мир вечен, то есть до школы, в том счастливом большом детстве, маленький Аристакеc жил у бабушки Аршака и бабушки Соны – осенью, зимой, весной в Дзорке, а летом – на даче, в Кармрашене. И Ашхен с мужем Варданом приезжали в Дзорк на поезде навещать сына. Иногда каждые выходные, иногда реже. А с некоторых пор мама Ашхен стала приезжать одна. И маленький Аристакеc не понимал почему. И не понимал, где отец. Он только точно знал, что мама, когда уезжала, скучала по нему. И это его примиряло с разлукой.

В тот день, холодным январским утром 1978 года, на высоком подоконнике, в красивой светлой спальней комнате, на коленях, прижавшись лбом к холодному окну, сидел четырехлетний мальчик с коротко остриженными волосами. Он смотрел на улицу, на проезжающие внизу автомобили и спешащих куда-то прохожих. Недавно был Новый год, и воздух все еще пах празднично и по-новогоднему, и дух самого праздника еще не отшумел и не растаял. В гостиной стояла огромная елка с пятиконечной звездой на макушке, с тяжелыми, но хрупкими шарами; елка блестела всякими «дождями» и «серпантинами». А под большим столом в упаковочных коробках, которые мальчик имел привычку хранить, лежали игрушки. Его приводила в восторг мысль, что они все там, в гостиной, и так удивительно пахнут, эти новые игрушки. Можно было сидеть еще и еще на подоконнике в спальне, а потом пойти в гостиную, зажечь огни на елке, сесть на пол и, вытащив из-под стола новые игрушки, «знакомить» их со старыми. Это была такая игра, лицо мальчика при этом было сосредоточенно, а на душе – безмятежно счастливо, как бывает только в детстве, а детство у него было большое, очень большое и счастливое...

Аристакеc часто прижимал к лицу игрушки и с наслаждением вдыхал новый запах. Это было время запахов, которые вскоре превратятся в воспоминания и не вернуться уже никогда.

Поставив машины в «гараж», он стал смотреть, как вращаются спиралеобразные ленты в электрическом камине и отбрасывают странные тени на экран. Перед камином мальчик тоже мог проводить целые часы. Ему приятно было сидеть и чувствовать, как от электрического тепла у него пылают щеки и горят глаза. Как и очень многое другое, этот старый камин Арис запомнит на всю жизнь.

Потом в гостиную вошла бабушка Сола, принесла с собой запах чего-то очень вкусного.

– Хочешь пойти с дедом погулять? – спросила она.

– Да.

– Тогда давай одеваться.

И вот четырехлетний мальчик, одетый с помощью бабушки, стоит у входной двери и нетерпеливо смотрит, как медленно – о, слишком медленно! – одевается дед.

– Папи⁸, скорее же! – крикнул мальчик, потеряв терпение.

– Снег не растает, – ответил с расстановкой дед и улыбнулся ему.

⁸ Папи – бабушка, дед, деда (разг. арм.).

Они вышли на улицу. Воздух пах снегом, и мороз весело щекотал в носу. Быстро замерзшей рукой Аристакеc держался за всегда теплую руку деда, и они шли по улицам маленького Дзорка.

Деда без конца останавливали знакомые, и он подолгу разговаривал с ними. А внук, решив сначала для себя, «добрый» ли знакомый или «злой», отходил в сторону и принимался играть в снегу. Часто, задыхаясь от восторга, Аристакеc окликал деда и показывал на свое пальто, белое от налипшего снега, и тогда дед смотрел на него и улыбался...

Но вот очередной разговор закончен, и мальчик со стариком продолжили путь.

– А он добрый, этот дядя, или злой? – спросил мальчик, держась за руку деда и подпрыгивая от возбуждения.

– Скорее добрый, – ответил дед. – Он добрый и несчастный.

– А кто он?

– Это дядя Рафик. Ты его не узнал?

Мальчик ничего не ответил, и они пошли дальше. Когда проходили большой мост, он остановился, чтоб посмотреть, как течет внизу Ган. Летом Аристакеc будет уже большой и с другими мальчиками пойдет ловить рыбу, стоя, как и они, в воде. А сейчас река спала, и на ней образовались островки, засыпанные снегом.

Дедушка был уже далеко и звал его. Мальчик подбежал к нему и, как обычно, взял за руку. И вдруг в голове его мелькнула потрясающая мысль: он нагнулся, набрал ковшиком ладони снег и лизнул...

– Не ешь снег! – сказал строго дед, отряхивая варежку внука.

– Но он вкусный!

– Здесь он грязный, – улыбнулся дед, а потом, подмигнув, добавил: – В сквере он намного чище...

Когда они дошли до парка, за которым была мэрия, пошел снег. Пошел снег, и стало темнеть, и было хорошо смотреть на желтые фонари в парке. Или же можно было просто стоять и, запрокинув голову, смотреть вверх, на черное небо, и чувствовать на щеках, губах и ресницах обжигающие снежинки. Мальчику было хорошо, тепло и даже жарко, и он поел-таки вкусного чистого снега, и щеки его пылали...

Мальчик огляделся и увидел деда, сидящего одиноко на скамейке. Он был весь в снегу, сквозь который кое-где чернело его старое пальто. Он сидел, как-то съежившись, держа руки в карманах. Мальчик понял, что деду холодно.

– Пойдем домой, папи, я устал, – сказал мальчик и поцеловал его в чисто выбритую щеку, как-то удивительно пахнущую дедушкиным «Шипром». Аршак Ашотович улыбнулся, улыбнулся так, как всегда улыбался, улыбкой, которую мальчик будет помнить вечно и вспоминать, когда становилось трудно.

– Пойдем, – сказал он, – тати⁹ приготовила что-то вкусное.

Аристакеc снял мокрую от снега варежку, и Аршак зажал в своей теплой руке маленькую ручонку внука. А мальчик подумал, что, несмотря ни на что, рука у деда даже без перчатки всегда теплая.

Хорошо было вернуться в теплый светлый дом после снежных сказочных улиц, освещенных желтыми фонарями. И по всей квартире разносился запах чего-то очень вкусного, и Аристакеc догадался, что бабушка приготовила то, что он очень любит: котлеты. Он любил горячие котлеты запивать горячим сладким чаем.

Бабушка снимала с него пальто, а он все время норовил вырваться и прыгал от возбуждения.

⁹ Тати – бабушка (разг. арм.).

– Тати! Я ел чистый снег! – крикнул Арис, не выдержав. Бабушка сурово сдвинула брови и посмотрела на деда. А тот тихо рассмеялся.

– А если он заболит? – спросила сердито бабушка Сона. – Что я скажу Ашхен?

– Не заболит, – уверенно ответил дед Аршак.

– Отвечать будешь ты! – Бабушка повернулась и ушла на кухню.

Аршак все еще смеялся.

– Бабушка ничего не понимает, – сказал он Аристакесу, а Аристакес пошел в кухню и сел на табурет. Бабушка колдовала у плиты.

– Снег был вкусный и чистый, так что я не заболею, – сказал он, и бабушка уже улыбалась.

– Скажи дедушке, что мы сейчас будем ужинать, пусть режет хлеб.

– Тати, а можно я это сделаю? Я уже большой!

– Нет. Он ведь дедушка! Хлеб всегда режет дедушка.

Аристакес встал и вышел из кухни, но бабушка остановила его:

– Завтра мама приезжает...

И Аристакес почувствовал, что немеет от счастья.

– Мама? МАМА?!

– Да. Она уже в поезде.

– Она в поезде и приезжает ко мне?

– Да.

– Из Еревана?

– Конечно.

Аристакес побежал в гостиную. Там в кресле перед телевизором сидел дед; у него на коленях лежала развернутая газета. Дед явно спал. Аристакес крикнул:

– Аршак-папи! Завтра мама приезжает!

Дедушка вздрогнул и открыл глаза. Сначала он ничего не понял, но Аристакес продолжал прыгать на месте и кричать:

– Она уже в поезде и приезжает ко мне!

Дедушка усадил четырехлетнего Аристакеса себе на колени.

– Завтра мама приезжает? – переспросил он.

– Да. Поездом!

– В таком случае ты точно не должен заболеть. – Потом позвал бабушку: – Сона! Поставь чай: к нему завтра мама приезжает...

– Я и без тебя знаю, что ребенку нужно чаю, – пробурчал из кухни сердитый голос бабушки. – Да! Чтоб не заболел. Нечего было позволять ему есть снег... Режь хлеб!

Они ужинали в гостиной. Аристакес ел горячие котлеты и запивал сладким чаем. Бабушка с дедушкой разговаривали.

– Я видел Рафика.

– Как он?

– По-прежнему.

– А Мамикон? Что сказал Рафик? Мамикон пьет?

– Да. В городе его называют «ишак Мамикон».

– Что делается! – сказала бабушка Сона, а потом, обращаясь к Аристакесу: – Ешь, ешь, а то мама придет завтра и скажет: «Какой у меня худой сын!»

Аристакес знал, что он вовсе не худой, а очень даже толстый, и щеки у него видны сзади, как у хомяка, но бабушке все казалось, что он худой.

Вечер проходил тихо и спокойно. Чувствовалось, что за окном идет снег, хотя он и не был виден. Аристакес сидел за письменным столом деда в нише гостиной и рисовал. Горела настольная лампа с желтым абажуром, и он смотрел на книжные полки, за стеклами которых были его, Аристакеса, фотографии. Потом смотрел на деда: тот сидел в кресле, смотрел теле-

визор и одновременно читал газету, вернее, у него не получалось делать ни то, ни другое: он просто засыпал. Рядом с ним на тахте сидела бабушка и вязала жилет (ему, Аристакусу). Она вязала и слушала телевизор. Слышен был стук старых часов. Они не тикали, а именно стучали, и ночью их стук был слышен даже в спальне.

Аристакус выключил лампу и пошел к бабушке.

– Тати, а ты мне расскажешь сказку перед сном?

– Конечно. Как всегда.

– Я хочу, чтоб ты рассказала мне ту сказку... Помнишь? В тот день, когда я упал с велосипеда, ты ее рассказывала.

– Обязательно, раз ты хочешь ту. Сейчас помою посуду, а потом пойдем спать, и я расскажу тебе сказку. Ты заснешь, а утром придет мама.

– Хорошо, что приезжает мама, правда?

– Ну конечно!

И вот уже сказка рассказана. Бабушка молчала, но Аристакус точно знал, что она еще не спит.

– Татик, а почему у меня нет брата? Я очень хочу, чтоб у меня был брат. Я бы его тоже любил.

Бабушка промолчала, ничего не ответила, а Аристакус услышал тяжелый вздох бабушки – оказывается, тот тоже еще не спал. Аристакус спрятался с головой под одеяло и постарался уснуть.

«МАМА ПРИЕЗЖАЕТ!» – думал он.

Однажды он увидел сон, и сон этот потом ему снился уже на протяжении всей жизни. Он видел суд, и на скамье подсудимых сидел он, Арис; его обвиняли в каком-то страшном преступлении. Присяжные совещались между собой, до того выступал прокурор, и вот судья вынес приговор: смертная казнь. Тогда он закричал, закричал во сне:

– Как вы можете убить меня, когда я так люблю свою маму?!

И просыпался. Но всегда, почти всегда у ног его сидела мама, которая говорила:

– Ты плакал. Тебе приснился плохой сон?

Утром Ашхен действительно приехала.

Было солнечно и морозно, и не верилось, что вечером опять пойдет снег, а между тем так бывало каждый день. Аристакус с дедом Аршаком стояли на перроне и ждали поезд из Еревана. Замерзший снег хрустел под ногами, и Аристакус боялся, что мама не придет или с поездом что-то случится. Но вот поезд подъехал, медленно раскачиваясь, и Аристакус увидел маму. Сначала он увидел ее в окне купе; она помахала ему рукой, и у него запрыгало сердце. Потом она вышла из вагона, и он бросился к ней. От нее пахло какими-то волшебными духами, и мальчик вдыхал их запах, когда мама целовала его. Потом мама поцеловала деда Аршака, и дед обнял ее. Они пешком пошли домой – вокзал был рядом с домом: мама, бабушка и между ними Аристакус. Бабушка нес мамин чемодан, а он – ее сумочку, чтобы что-нибудь тоже нести. Мама что-то рассказывала бабушке, дед все молчал, слушал. Аристакус тоже молчал, но не вслушивался в то, что рассказывала мама, а лишь смотрел на нее. У мамы был длинный-предлинный красный шарф с узелками на концах, и он думал о том, что очень любит этот шарф и любит маму. Неужели мама приехала?! – не верилось ему. Еще он думал о том, какие подарки она ему привезла.

Бабушка встретила их; Аристакус видел, что на глазах у нее слезы. Мама сняла пальто, шарф и показала ему подарки, которые привезла из Еревана, а он показал ей свои новые машины, и мама терпеливо выслушивала: эта машина всегда очень серьезна, а эта всегда почему-то смеется... А потом они завтракали.

После завтрака Ашхен и Аристакеc пошли по магазинам. Ашхен всегда говорила, что того, что есть в провинциальном Дзорке, в Ереване не найти. Большую часть покупок опять составляли подарки ему, Арису.

Когда приезжала мама, она с сыном спала в гостиной; Аристакеc – на тахте, Ашхен – на раскладушке. Она, как и бабушка, рассказывала ему перед сном сказки, но чаще – пела. У Ашхен был низкий, очень красивый голос, и она ему пела колыбельные песни. Он очень любил мамин голос, а когда она заканчивала песню, притворялся спящим. Тогда Ашхен включала лампу на письменном столе (желтый абажур) и, подперев голову ладонью, читала книгу. Аристакеc осторожно открывал глаза, смотрел на нее и улыбался, когда улыбалась она, прочтя в книге что-то смешное. Но вот свет выключался, и слышно было, как мама кутается в одеяло. Можно было спать!

А потом наступило утро. Солнце смотрело в окно и освещало гостиную. От этого все в комнате улыбалось. Елка была совсем другой, нежели ночью, не такой сказочно волшебной, и тоже улыбалась. Часы стучали каким-то утренним стуком, а телевизор все еще спал. У Аристакеcа сердце радостно екнуло: ведь мама приехала... Он слышал ее голос из кухни. Она пила свой неперменный утренний кофе и беседовала с бабушкой. Дед пошел на работу. Был понедельник.

– Не разбудить ли его? – спросила мама.

– Ашхен-джан, пускай спит, – ответила бабушка. – А мы приготовим ему что-то вкусное на завтрак.

И тогда Аристакеc закричал:

– Мама, я уже проснулся!

В гостиную вошла мама и поцеловала его. Она была в халате, надетом поверх ночной сорочки, и от этого он почувствовал себя счастливым: значит, сегодня мама не уезжает.

Потом опять был вечер. Они все сидели в гостиной. Как обычно: дед в кресле смотрел телевизор или читал газету, бабушка на тахте вязала внуку жилет, рядом с ней мама читала книгу. А он, Аристакеc, рисовал автомобили, сидя за письменным столом деда. Он думал о том, что ему очень хочется спросить маму о брате, сказать, что ему очень хотелось бы иметь братика, но понимал, что сейчас об этом не надо спрашивать. Сегодня Ашхен была очень грустная, глаза ее печалились, и, когда она поднимала их от книги и смотрела на него, он видел в них какую-то непонятную ему тоску. И ему хотелось крикнуть ей: «Ни о чем не думай, ни о ком! Ведь у тебя есть я, твой сын, есть дедушка и бабушка, и никто не может тебя любить так, как мы. Улыбнись мне, и я поцелую тебя и буду рассказывать тебе о реке, о том, что летом я стану уже взрослым и смогу ловить рыбу... Только ты обязательно улыбнись, ну пожалуйста! Бабушка сейчас принесет чай, и мы будем ужинать... А потом ты возьмешь меня с собой в Ереван. Ведь правда? Мы уедем вместе? И там я никому в обиду тебя не дам. Только улыбнись. Сейчас. Улыбнись, чтоб я мог жить, чтоб я не умер. Я умираю, когда ты грустная; я думаю, что ты грустишь из-за меня...»

Он смотрел на свою маму: она читала книгу. Она читала быстро, то и дело переворачивая страницы. А потом вдруг захлопнула книгу и посмотрела на сына. Она улыбалась. Очень-очень счастливо. Он бросился к ней и поцеловал. Он жил. Он это чувствовал. И тогда еще не знал, что ровно год назад, таким же январским вечером, поезд увозил в Ереван его отца, Вардана. И не знал, не мог знать, как тот, еще на перроне, заметил незнакомую молодую женщину, которую провожал незнакомый мужчина одного с ним возраста, в дурацкой старомодной шляпе. А потом оказалось, что отец Аристакеcа и эта молодая женщина едут в одном двухместном купе. А потом – что на станции Нахичеван поезд простоял целых два часа. А потом – что все было как-то не так, когда наступило утро. Ведь по утрам всегда бывает как-то не так...

Глава 3

По утрам всегда бывает как-то не так... И утром поезд ехал быстрее, стараясь, казалось, наверстать потерянное время. И это было в те времена, когда еще ходили поезда Ереван – Дзорк – Ереван.

Моноotonно стучали колеса, вагон раскачивало из стороны в сторону, время от времени слышался гудок электровоза где-то там, впереди. Было утро. За окном виднелся снежный пейзаж, мелькали телеграфные столбы, далеко за равниной поднималась снежная вершина Горы. Через полтора часа поезд прибудет в Ереван...

В двухместном купе было тепло. Он и она уже проснулись, оделись и сидели друг перед другом, смотрели из окна на равнину, на Арарат, на то, как вороны опускаются на поля. Теперь, утром, все было по-другому, он и она опять перешли на «вы».

– Так вы хотите, чтоб я рассказал о себе? – спросил он.

– Да. Хочу. И это тоже останется со мной. У нас еще полтора часа впереди...

– Как-то непривычно говорить о себе.

– А вы не скромничайте.

– Ну... ладно. Начало похоже на биографию, какую пишут при поступлении на работу.

Я родился в таком-то году в Ереване, в самой что ни на есть среднестатистической семье: папа у меня инженер, мама филолог. Меня отдали в среднестатистический детский садик, потом я поступил в такую же школу, учился на средние оценки, в классе был неприметным, ничем не выделялся, но в то же время с некоторых пор стал чувствовать в себе какую-то силу, не помню, когда это началось. Мне стало казаться, что я могу нечто, чего другие не могут; мне показалось вдруг, что я и чувствую иначе, чем другие... Короче, для окружающих я был самым средненьким пареньком, но самому себе таковым не казался. После школы я долго раздумывал, в какой институт поступить, и никак не мог выбрать себе профессию – я и тогда носил очки, так что армия мне не грозила. И вот однажды мне в руки попал томик стихов Бодлера; я прочел стихи – и был сражен, я понял, к чему могу приложить свою силу... Да-да! Вы улыбаетесь, но это именно так! Во мне что-то взорвалось. Та сила, которую я смутно ощущал, нашла выход, подобно лаве, – простите за банальное сравнение. Я написал стихотворение, очень похожее на бодлеровское, но оно мне не понравилось, и я его сжег. Потом родилось второе стихотворение, затем третье, четвертое и так ровно тридцать два стихотворения, одни лучше, другие хуже, но их я уже не сжигал, а отпечатал на машинке, которую попросил у друга – теперь он знаменитый писатель. Я носился с этим сборником по городу, показывал друзьям и даже незнакомым – однажды подошел в парке к старику, абсолютно чужому, и попросил прочесть мои стихи. Одни хвалили, другие советовали поработать еще, но, в общем-то, тоже хвалили, и я понял, что мои стихи кое-чего да стоят. Потом в моей жизни произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь, стало причиной моего несчастья и счастья одновременно: я встретил девушку, полюбил ее и, как это ни удивительно при моей природной робости, она полюбила меня... Мы познакомились восемнадцатого мая, на чьем-то дне рождения. Понятно, я дал ей прочесть свои стихи. Она пришла от них в восторг, сказала, что сборник нужно опубликовать, но добавила: жаль, что стихов в сборнике тридцать два, и предложила мне написать тридцать третье стихотворение, что я и пообещал ей сделать. Естественно, цифра тридцать три к чему-то обязывала, и в голове у меня завертелись мысли и образы, связанные с Евангелием. Я думал несколько дней, потом однажды ночью, внезапно, в полусне, появилась первая строчка; она звучала так: «Вчера Христа распяли в Иудее...» Я записал ее и лег спать, так и не сумев найти продолжение. На следующий день опять ничего не вышло. И так никогда больше... С тех пор я больше ничего не смог написать. Сначала я решил: пока не напишу это, не пошлю в редакцию журнала ни одного другого стихотворения из моего сборника; потом решил наплевать

и написать совсем другое стихотворение, но у меня опять ничего не вышло. Так я перестал писать стихи. Иногда, как сумасшедший, напишу ту самую строчку – «Вчера Христа распяли в Иудее...», – и на том дело кончается. Потом я поступил в Политехнический институт и стал, как и отец, самым что ни на есть среднестатистическим инженером. А женился я на той самой девушке, которая посоветовала мне написать тридцать третье стихотворение. Ее зовут Ашхен. У меня родился мальчик, мы назвали его Аристакес...

– А что вы делали в Дзорке?

– Разводился с женой.

– Смешно...

– Очень! Теперь я «средний» во всем, такой же, как миллионы других, стал скучным, а иногда и занудливым... – Он усмехнулся. – Вот вам моя история. Я так и остался среднестатистическим человеком с обидным ярлыком: неудачник. Что же касается той силы, которую я в себе когда-то чувствовал, то она все более и более во мне угасала, пока не погасла совсем...

– М-да... – сказала она. – Грустная история. А у меня история совсем простая. Влюбилась, он меня бросил, когда я была беременна, потом родила сына, так замуж и не вышла, имела множество любовников...

– И последнего вы бросили вчера вечером на перроне вокзала, – закончил он.

– Да. Вы правы.

Поезд приближался к Еревану. И он, и она знали, что больше никогда не встретятся, однако каждый уносил в себе историю другого.

В тот день по прибытии в Ереван Вардан, отец Аристакеса и бывший муж Ашхен Унанян, так и не пошел на работу, а прямо с вокзала отправился к своим давним друзьям и напился. Потом поехал домой, заснул (вернее, забылся в полудремотном бреду) и проснулся уже ночью. Он подумал, что мир его рухнул. Что больше ничего уже нельзя сделать; пить он больше не мог и жалел об этом. Когда Вардан проснулся, он, не вставая с дивана, через плечо посмотрел в открытое окно.

Была ночь. Небо было черным, и миллионы звезд успокаивающе мигали, холодно блестя, может, осколками какого-то большого зеркала...

«Да, может, действительно, все это – осколки одного большого зеркала, – подумал Вардан. – И, если собрать все звезды вместе, получится зеркало, в котором отразится весь мир, отразится Земля, отразусь я... Может, раньше так и было. Вместо неба было зеркало, и все, что творилось на Земле, отражалось на Небе, и люди видели, что они творят, потому что все дела их отражались, и они отражались тоже».

Потом он встал, подошел к окну и посмотрел немного вниз.

«Дома с потухшими окнами тяжело сидят в земле и невидящими глазами смотрят на деревья, листья которых сожгли еще осенью раскаленные фонари. И это – ночь. Интересно, что ночь ярче дня, и вечер волнует больше, чем утро. Неужели ночь сильнее дня? Луна сильнее Солнца? Чушь!»

Он посмотрел на белые листки бумаги, улыбнулся горько, взял карандаш и написал корявым почерком: «Вчера Христа распяли в Иудее».

«Ночь? – подумал он опять посмотрел в раскрытое окно... – Нет. Такого зеркала никогда не было. С самого начала. Ни одно творение человека не отражалось на небе, в зеркале. Такого зеркала не было, и люди всегда творили то, что они хотели сотворить, не замечая и не видя, что сотворили гадость, что сделали неверное, что ЭТОГО никогда не должны были делать... С самого начала были только осколки, мигали звезды, и лишь немногим удавалось отразиться в крохотных звездочках; лишь избранный мог увидеть себя в малюсеньком осколке. Но где же моя звезда? Где мой осколок на небе?..»

И тут он увидел падающую звезду. Звезда падала очень красиво, медленно, величественно. Она плыла по черному небу, царственно кланяясь другим звездам – налево кивок,

направо кивок, – а потом исчезла так же неожиданно, как и появилась. И он спохватился: желание забыл загадать!

Он говорил в уме с Ашхен, но знал, что ее нет в соседней комнате. Мало того, он помнил, что они недавно развелись. Но все же... Все же!

Незаметно начинал бледнеть восток, и небо тушило свои огни и просыпалось, чтобы разбудить землю. Улицы и листья деревьев были мокрые и пахли свежестью и тоже просыпались; по очереди меркли фонари, и после всего этого начиналось утро.

«День! Иногда бывает так: чтобы понять день, нужно не спать целую ночь, потому что день рождается от ночи, хотя, может, ночь рождается от дня?»

Он выключил лампу и встал. У него болели глаза, и он чувствовал усталость. Он прошелся по комнате и подошел к окну.

«Миры периодически рушатся. Периодически рождаются и исчезают Галактики, звезды. Периодически рушится жизнь».

Неизвестная женщина из поезда так никогда и не узнает, что ее попутчик через год снова сойдется с женой Ашхен (но это случится лишь летом), и у них родится второй сын, которого нарекут Аршак, в честь дедушки, и которого все всю жизнь будут называть Аршо.

Да, это было летом, тем самым летом, когда однажды Аршак Ашотович Унанян привез с собой на дачу в Кармрашен телеграмму. Никому ничего не сказав, хмуря брови, отдал телеграмму своей младшей дочери Ашхен.

– От твоего... – пробурчал он. – Делай, как считаешь нужным. Если надумаешь поехать в Дзорк, шофер тебя отвезет.

В телеграмме значилось: «Буду звонить вечером тчк надо поговорить тчк надеюсь ты будешь тчк Вардан».

Оник был шофером Рафо, мужа Норетты, и Ашхен смущало, что повезет ее именно он, когда-то бывший ее учеником в вечерней школе. Но она знала, что шестичасовой автобус из Кармрашена в Дзорк уже ушел. Ашхен выглянула из окна веранды в сад. Там под яблоней на одеяле лежал ее Аристакек и смотрел в небо.

Небо было высокое, это небо, и синее, и по нему скользили облака, то собираясь в одном месте, то рассеиваясь в другом.

Уже день близился к вечеру, и Аристакек лежал на одеяле перед домиком дачи и смотрел на небо. Оно было далекое и в то же время очень близкое; до него было рукой подать; можно было прижать к щекам пушистые белые облака, обнять их и заснуть крепко-крепко, и снова проснуться, и вновь видеть это синее небо...

– Арис, встань, хватит, простудишься! – крикнула Ашхен сыну.

– Еще немного, мам.

– Смотри, не простудишься.

И снова – небо... Облака были уже розовые, потому что солнце село, и мальчик, надеясь увидеть еще и ночное небо со звездами, продолжал лежать, положив руки под голову, и смотрел на небо. Аристакек подумал, что облака не плывут по небу, а скользят, стараясь зацепиться за что-то, и от этого растягиваются, лопаются и снова растягиваются. Он подумал, что если облака долго не будут лопаться, то пойдет дождь. А после дождя, знал он, выглянет солнце. После дождя всегда выглядывает солнце...

– Аристакек, вставай, поехали.

– Куда, мама?

– В Дзорк.

– Почему? Мы же позавчера все ездили в город купаться!

– Нужно, балес¹⁰. Нам к вечеру надо быть в Дзорке: позвонит папа.

¹⁰ Малыш (арм.).

Мальчик встал и пошел к воротам, где его ждала Ашхен. Выйдя за ворота, которые заперла за ними бабушка Сона (дедушка не вышел их проводить), они сели в машину.

– Аристакеc, когда ты женишься? – спросил Оник. Он всегда задавал этот дебильный вопрос, когда видел шестилетнего Ариса, и громко, раскатисто хохотал.

Они поехали в Дзорк.

Аристакеcу так и не удалось увидеть ночное небо, зато он нагляделся на небо днем. Это очень хорошо – смотреть на небо, и он снова будет смотреть на небо, когда вернется сюда завтра; ведь здесь небо совсем другое... Он уснул, удобно устроившись на заднем сиденье, и во сне видел синее небо и белые облака, медленно скользившие по нему; видел, как пошел дождь и как потом выглянуло солнце. Кажется, это было его последнее лето перед школой.

Глава 4

Когда Аристакеc пошел в школу в Ереване, в Дзорк и Кармрашен он стал приезжать лишь на каникулы. Раньше до Дзорка добирались на поезде, а потом, когда там построили аэропорт, летали на маленьком самолетике. Ездили на поезде и летали на самолете, и никому в голову не приходила мысль ехать на автомобиле по пыльным горным дорогам, через перевалы и ущелья...

Раньше было по-другому. Раньше все было по-другому – волшебнo-сказочно-счастливо, потому что раньше было ДЕТСТВО.

А детство у внуков и внучек Аршака Ашотовича и бабушки Соны было большое и круглое, как волшебный воздушный шар, и такое же легкое, и олицетворением этого детства был маленький городок на юге Армении – Дзорк, куда они приезжали каждое лето (не считая зимних, весенних и осенних каникул), приезжали все вместе и искренне удивлялись тому, как можно на лето поехать в какое-нибудь другое место. Им это и в голову не приходило. Они знали, что с наступлением каникул все поедут в Дзорк, а потом – в дачный поселок Кармрашен, который находился в двадцати четырех километрах от Дзорка, высоко в горах.

После, вернувшись с каникул в Ереван, когда все рассказывали, кто где провел лето (Батуми, Сухуми, Евпатория, Пицунда и даже Ленинград), они презрительно махали рукой и с гордостью сообщали, что были в Дзорке, а потом – в Кармрашене, некоторые даже не знали, где это. И теперь, повзрослев, они понимали, что, наверное, их тогда принимали за чокнутых: ведь в Кармрашене не было ни моря, ни озера, ни даже речки. Был только большой огромный лес (в детстве все было огромное).

На самолете из Еревана в Дзорк можно было прилететь за тридцать пять минут – не успеешь взлететь, уже надо приземляться. А на поезде – совсем другое дело. Семьи Клары и Ашхен Унанянов вечером садились в поезд Ереван – Дзорк, который отходил зимой в 20.23, а летом в 21.41, ехал всю ночь и утром где-то в 8–9 часов доезжал до Дзорка. Они ехали двумя семьями, у них всегда было два купе, и пока еще не надо было ложиться спать, одно из них превращалось в кают-компанию, и лица у всех были счастливые...

А ночью можно было лечь на живот на верхней полке и смотреть в окно. Это было безумно-безумно интересно смотреть на черные силуэты гор, на огни, мерцающие островком какого-то селения где-то там, очень далеко. А потом смотреть на звезды. И они тоже мерцали, и их было много-много, и они говорили друг с другом, правда, Богу внимала не пустыня, а древние горы.

И высокие, философские мысли (детские мысли всегда высоки и философичны!) прерывались тогда, когда поезд останавливался на какой-нибудь станции, и Аристакеc смотрел на суетящихся вдоль поезда людей и до одури вчитывался в название станции, стараясь запомнить на всю жизнь...

Потом поезд трогался, постепенно набирая скорость, оставляя позади станцию, шум, суету. Затихали голоса в самом вагоне, голоса только что севших на поезд, и маленький Арис засыпал, хотя дома, еще в Ереване, давал себе слово не спать всю ночь!

Он видел во сне обычно что-то непонятное, но хорошее, и поэтому, когда просыпался вдруг от неожиданного толчка, улыбался от мысли, что находится в поезде, а особенно – что едет в Дзорк.

Утром, за час до приезда, они, дети, прилипали к окну и спорили, кто из них раньше увидит дедушку, который придет их встречать. В Дзорке, они выпрыгивали из вагона и бросались на дедушку Аршака и целовали его, а он обнимал их и счастливо смеялся своим тихим смехом. Затем они пешком шли домой, потому что дом, где жили дедушка с бабушкой, находился недалеко от вокзала. Сначала шли по шпалам, потом еще немного по траве, а потом выходили

на ту самую улицу Железнодорожников, которой бредили в Ереване. И, увидев еще издалека бабушку Сону, стоявшую на балконе и махавшую им рукой, не могли удержаться – бросались к дому, не помня себя от радости (кто первым поцелует бабушку?)...

Дзорк – маленький город и находится на маленьком клочке ровной земли, с четырех сторон зажатом горами, на месте впадения реки Ган в реку Чаги. Когда город стал расти, пришлось дома строить на склонах гор, и не просто дома, а шести-, семи-, девятиэтажные здания, каким-то чудом «приклеенные» к бурым склонам. Каждый этаж представлял собой ступеньку в большой лестнице, внутри которой жили люди, и каждый этаж имел свою крышу.

В детстве Аристакеc, любимый внук Аршака Ашотовича и бабушки Соны, изъездил весь Дзорк вдоль и поперек на велосипеде. Он помнил каждую яму, каждый поворот... Не говоря уж о дачном поселке, куда перебирались на все лето сразу же по приезде ереванцев. В дачном поселке жили тремя семьями – семьями трех дочерей Аршака и Соны: Норетты, Клары и Ашхен. И это было большое трехмесячное счастье, даже несмотря на то что порой случались туманы... Как, например, тем утром, когда Аршаку Ашотовичу Унаняну вдруг показалось, что жизнь кончается.

Глава 5

То утро действительно было холодное, туманное, дождливое. Такое было не редкость в Кармрашене. Здесь, если пошел дождь – а он всегда бывал нудным, морозящим, – то пиши пропало. Тянул неделю, а то и две.

Дождь моросил, и с крыши дома без конца капало. Часто дул ветер, и из леса сверху просачивался туман. С легкостью он проглатывал дома, деревья, перелезал через деревянные заборы дач и продолжал гулять по полям.

Было очень тихо, очень холодно. Природа, казалось, находилась в какой-то тяжелой дремоте, и лишь иногда всеобщую звенящую тишину нарушал пронзительный крик птицы. Крик этот эхом проносился по местности, и тогда поднимался ветер, и дождь моросил сильнее, и шумели листья на деревьях. Но потом напуганные криком деревья затихали, и воцарялась прежняя тишина. Туман же проникал во все новые дыры и щели и переходил от одного дерева к другому, словно искал что-то, заведомо не существующее, и кажется, спрашивал:

«Не видели?»

Туман казался живым. У него были руки, ноги, глаза, рот и даже уши, которыми он слышал любое приказание ветра, произносимое порой шепотом. Опустившись на землю, туман ни на секунду не застывал, не успокаивался. Он жил, дышал и, подобно человеку, бродил по полям и лесам и часто вздыхал, страдая от чего-то.

«Не видели?» – спрашивал он всех...

И в воздухе пахло мокрой травой, грибами и мхом.

Дачный дом, где жили Аршак и Сона со своими дочерьми, внуками и внучками, находился у подножия холма, поросшего лесом. Перед домом рос фруктовый сад, и вся территория была огорожена деревянным забором. Доски забора были заострены на концах; они были очень старые, почернели и покрылись мхом.

Поле начиналось от подошвы длинного холма, на северном склоне которого и располагался лесенкой поселок. Из окна дома можно было видеть поле, широкое, зеленое, утыканное кривыми телеграфными столбами. Когда из-за тумана столбы не виднелись, нельзя было увидеть и само поле, и казалось, что там, за забором, – пропасть, а сам этот клочок земли с фруктовым садом и маленьким одноэтажным домом висит в воздухе, среди облаков... Но вот дул ветер, и туман начинал отступать, открывая поле, а за ним и почерневшую от дождя дорогу. Ворота были покрашены в серый цвет. Они местами проржавели, стала набухать и трескаться краска, и из трещин вытекала грязно-красная жидкость. От ворот к дому вела бетонированная дорожка.

Старик лежал с открытыми глазами и слышал, как стекает с крыши дождевая вода, капая на плиточный пол балкона с особым шлепающим звуком.

Капало и сводило с ума.

Было холодно. Все было завернуто в туман и не могло согреться. Дрожали от холода удивляющие своей зеленью листья на деревьях, которые уже устали от навязчивых нежностей и ласк тумана.

И от его вопроса:

«Не видели?»

Но вот ветер опять задул, и листья зашумели. Туман то раздвигался, открывая какую-то часть дороги и поля, то с еще большей силой наваливался на дом, толстой ватой облепляя окна. В то холодное туманное утро Аршаку Ашотовичу Унаняну не надо было просыпаться рано. Тем не менее он проснулся, когда все в доме еще спали. Старик лежал в теплой постели и слушал, как идет дождь. Он подумал, что сегодня ничего не будет делать. Все равно непогода, к тому же

воскресенье. Буду сидеть на диване и читать газеты, подумал он. Весь день читать... А потом вдруг ему пришло в голову, что жизнь кончается. Ни с того, ни с сего. Просто подумалось...

Старуха все еще спала. Он посмотрел на нее. Интересно, она знает, что жизнь кончается? Наверно, да. Но ей некогда задумываться над этим. Нужно помнить о детях, об обеде...

Эй, Сона! Сона яр!¹¹ Сколько же ты на своем веку приготовила обедов и выстирала белья? Не счесть. Сколько ты связала носков? Тоже не счесть. Но одно я могу сказать точно: вырастили мы трех дочерей и пять внуков. Тоже неплохо, если учесть, что не всегда и не во всем нам везло. А сколько мы натворили глупостей? Не счесть... И старику стало тоскливо.

Старику было уже много лет, и теперь он часто думал о том, что жизнь подходит к своему завершению, но в то же время он был уверен, что не зря прожил ее. Он немало сделал для своих дочерей, внуков, и не только для них. Это на самом деле так, думал он, лежа в постели, но жизнь все-таки кончается... А жаль. Потому что хочется пожить еще. Может, и удастся. Может, еще с десятков лет... Ишь, чего захотел, старик, сказал он себе. Поживешь еще – захочется жить и дальше. Но вряд ли можно столько прожить. Еще пять лет будет в самый раз. Восемьдесят – в самый раз.

В Бога он не верил. Знал, что все эти штуки насчет загробной жизни – глупости. Человек умирает – и все тут. И еще он знал, что жизнь иногда бывает жестокой, и тут ни один Бог ничего не может поделаться. Кому-то везет больше, кому-то – меньше, и Бог тут совсем ни при чем. Все равно: главное – человек, верил старик. Он верил еще, что человек должен быть сильным и уметь хитрить. Старик был сильным, но хитрить не умел и теперь жалел об этом.

Хоть бы ты проснулась, Сона, мысленно сказал он жене. Поговорили бы. А то ведь и вправду жизнь кончается, а мы так мало говорим...

И в эту минуту старушка зашевелилась, фыркнула сморщившимися от старости губами и открыла глаза.

И старику перестало быть тоскливо. Начиналось воскресенье. Почти такое же, как и всегда.

Жизнь продолжалась.

– Аршак, ты не спишь?

Старик покачал головой.

– Ты что, старый, не слышишь?

– Слышу, – ответил старик. – Я покачал головой.

– А ты не качай головой, – рассердилась старушка. – Мне же отсюда не видно!

Старик тихо рассмеялся.

– Рано проснулся? – спросила старуха.

– Нет. Только что.

– Что же ты так рано? Сегодня же воскресенье.

– Привычка, – сказал старик.

– Ох, уж мне твои привычки! О чем-нибудь думал?

– Да. Что мало нам с тобой осталось на этом свете жить...

– Тоже мне! Открытие сделал! – Старуха опять фыркнула губами. – Ты лучше о другом подумай.

– О чем, Соник?

– О том, Аршак, что из-за этой погоды у детей каникулы портятся.

– Что же мне делать, Сона? Разогнать облака, что ли?

– Не знаю. Просто сержусь я, что из-за погоды дети должны сидеть дома. Им бы в лес сходить, погулять по полям...

– Не сердись, Соник. Погода скоро изменится.

¹¹ Un'ush ju'p – «Сона любовь», название и строка песни Комитаса (арм.).

- А ты это точно знаешь?
- Да. – И старик подумал, что достаточно прожил на свете, чтоб знать, когда погода прояснится.
- Хорошо бы, – вздохнула старушка и повернулась на спину. – Аршак?
- Гм.
- Заснул?
- Нет.
- У нас газ кончается, Аршак.
- Почему так скоро? Ведь двух недель не прошло с тех пор, как я купил новый баллон.
- И совсем не скоро, – возразила старушка. – К тому же дети два раза готовили пирожки.
- Пирожки были вкусные, – вспомнил старик и добавил: – А газ я завтра куплю.
- Старуха опять повернулась на бок. Так она могла видеть, как за окном туман обволакивает деревья.
- Аршак! Ай, Аршак!
- Что, Соник?
- Завтра из города нужно купить мяса и картошки. И то и другое у нас закончилось.
- Ладно.
- Ты же не думаешь, что дети приехали к нам из Еревана, чтобы все время кушать макароны?
- Нет, конечно.
- А еще внуку нужно купить новые туфли.
- Которому? – спросил старик, но старуха не расслышала.
- Ребенок совсем босой ходит, – продолжала она. – Стыдно!
- Которому внуку нужно купить туфли? – громче спросил старик.
- Которому еще?! Как будто сам не знаешь! Не может же он, твой любимый внук, поехать к себе в Ереван в старых туфлях!
- Нет, конечно. – Дедушка Аршак и впрямь не мог допустить, чтоб его внук после каникул вернулся в Ереван в старых туфлях. Он подумал, что завтра, в понедельник, в городе он пойдет в магазин.
- А какой у него размер, ты не знаешь? – спросил он.
- Нет, – ответила старуха. Она знала, но теперь не могла вспомнить.
- Что же мне делать? Взять его с собой в город?
- Старуха оживилась:
- Да, конечно, возьми его с собой. Как раз к портному сходите, костюмчик ему закажешь... Он же в школу пойдет!
- Вдруг старик стал смеяться: от тоски не осталось и следа.
- Ты что? – Старуха была явно озадачена смехом своего мужа. – Аршак? Ты рехнулся?
- Нет, Соник. Просто мне вдруг стало очень весело. Я подумал, что рано нам еще умирать... Столько дел!
- Совсем спятил этот человек на старости лет! – Старуха фыркнула. – Аршак! Ай, Аршак!
- Гм.
- А точно погода скоро изменится?
- Да.
- Тогда я детям так и скажу, ладно? Если спросят. Я скажу, что дедушка так сказал.
- Говори, Сона. Скажи им, что я уверен, что скоро погода поменяется.
- Хорошо. А теперь давай вставать. Воду мне надо принести из бака. Мое ведро на кухне совсем пустое. Как же я приготовлю завтрак без воды? А они все скоро проснутся.
- Старик улыбнулся. Он почему-то почувствовал себя очень и очень счастливым.

– Ты еще лежишь? – спросила сердито бабушка Сона, уже сев в постели и опустив ноги в тапочки. – Не понимаешь, что ли? Дети скоро проснутся. А на кухне нет воды!

Старик встал и начал одеваться, поглядывая в окно. «Проклятая погода!» – подумал он.

Старик со старухой спали на застекленной дачной веранде. Все остальные – в комнате: три дочери Аршака и Соны – Норетта, Клара, Ашхен, все со своими детьми. Среди внуков и внучек был и тот, кому должны были купить туфли, заказать у портного костюмчик, пригласить фотографа, чтоб сфотографировать его, починить в городе сломанный его велосипед и так далее и так далее... Он мирно спал, не видя снов, и это был Аристакеc, сын Ашхен... Именно тем летом десятилетний Аристакеc впервые влюбился.

Глава 6

Уже подходил к концу август. Семейство Симонянов, живущее через две-три дачи от дачи Аршака-папи и Соны-тати, пригласило Вардана (он приехал в отпуск на десять дней из Еревана), Ашхен и маленького Аристакаеса на чай. В семь часов вечера они пошли к ним в гости (маленький Аршо остался дома, спал). В воздухе пахло корой деревьев и сухой травой. Листья на деревьях тихо шелестели от ветра, и все, казалось, начинало успокаиваться и приходить в себя после знойного дня. Старое солнце заходило за далекий холм, низко над полем летали жуки. Теплый вечер, обещая волшебную ночь, что-то тихо нашептывал им.

Открыв калитку в больших зеленых воротах, Вардан крикнул:

– Гостей принимаете?

И сразу они увидели главу семейства, мужчину средних лет, с курчавыми волосами, уже тронутыми сединой, и орлиным носом. Он спустился по крутой деревянной лестнице, ведущей с веранды в сад, и по бетонной дорожке пошел им навстречу.

– Очень рад, – сказал Симонян, широко улыбаясь.

– Моя жена, наш старший сын, – представил Вардан Ашхен и Ариса.

– Очень рад, – повторил Симонян и повел всех наверх.

Территория дачи была большая. По обе стороны от дорожки росли груши и яблони, на которых висели спелые плоды. Аристакаес заметил, что между двух яблонь, в глубине сада, натянут большой гамак; в нем лежали две подушки и пластмассовая кукла в красном платье.

– Познакомьтесь: моя жена, – сказал хозяин дачи, указывая на довольно молодую женщину с большими глазами и родинкой на шее. Она познакомилась с Ашхен и Варданом, а потом сверху вниз посмотрела на Аристакаеса.

– Какой красивый мальчик!

Аристакаес покраснел, и Симонянша рассмеялась. Потом из комнаты вышла девочка. Мать поманила ее к себе и поцеловала.

– А это наша дочь Анна.

На столе стояли чайник, сахарница, варенье и шоколадные конфеты. Аристакаес особенно налегал на конфеты, и Ашхен то и дело шипела на него:

– Хватит! Ты один съел все конфеты.

– Ничего, ничего, – улыбалась глазастая тетя Симонян. – У нас еще есть, я сейчас принесу.

Аристакаес с восхищением посмотрел ей вслед.

«У них так много шоколадных конфет! – подумал он. – А у нас они вчера кончились».

На другом конце стола разговор уже шел в полную силу.

– Да-да-да-да-да-да-да-да-да-да, – говорил Вардан, весь окутанный дымом.

– Конечно-конечно-конечно-конечно-конечно, – соглашался с ним Симонян и моргал слезившимися от Вардановых сигарет глазами.

Аристакаес попросил еще чаю и почувствовал (не увидел, а почувствовал!), как Ашхен сверкнула глазами. Тетя Симонян (как же ее звали-то?!) тем не менее налила ему еще, и Аристакаес гордо посмотрел на ее такую же глазастую, как и она, дочь Анну.

– А что вы здесь сидите с нами? – сказал Симонян-отец. – Идите в сад, поиграйте. Анна, покажи мальчику наш сад.

По крутой лестнице дети спустились в сад. Анна сразу пошла к гамаку и села на подушки, положив на колени куклу.

– Красивая кукла? – спросила она.

– Нет, – ответил Аристакаес.

Она фыркнула.

– Ты ничего не понимаешь в женщинах.

– А вот и понимаю! – убежденно сказал Арис, но Анна пожала плечами, не желая, очевидно, знать, что именно Арис понимает в женщинах.

Потом стемнело, и на веранде зажгли свет. На небе одна за другой появлялись звезды. Мама Ариса и мама Анны о чем-то тихо беседовали, а папы, выпив кроме чая еще кое-чего, спорили, не соглашаясь друг с другом. Анна сидела в гамаке, Арис раскачивал ее, стоя под яблоней. Она говорила, что они недавно купили эту дачу и теперь каждое лето будут приезжать сюда, в Кармрашен. Аристакек отвечал, что они уже давно каждое лето приезжают в этот дачный поселок.

– Нашу дачу построил мой дед. Аршак-папи!

Анна смотрела на звезды. Аристакек – то на звезды, то на нее. На траве под гамаком, закрыв пластмассовые глаза, спала кукла в красном платьице... Аристакек вдруг сообщил, что перешел в пятый класс и ему уже десять лет! Она посмотрела на него и сказала, что тоже перешла в пятый. Опять возникла пауза. Потом послышались шаги родителей. Ашхен позвала сына: пора было уходить. Аристакек услышал пьяный голос отца Анны:

– Вы посмотрите! Это что-то из русской классики. Дама сидит в гамаке, кавалер раскачивает ее, и они говорят, вероятно, о любви! – Он был учителем русской литературы и работал в одной из дзоркских школ.

Ему ответил такой же пьяный голос отца Аристакека:

– Да, что-то чеховское!

– Что ты! Это же Тургенев!..

Попрощавшись, они пошли вдоль дачных заборов по широкой ухабистой тропе. Ашхен с Варданом о чем-то говорили, а Аристакек смотрел на черное небо. Он думал о том, какое оно здесь красивое и как много здесь видно звезд... А может, он думал еще о чем-то, но потом не мог вспомнить о чем: это было слишком давно. Только стал он ждать целый год летних каникул, чтоб приехать в Кармрашен уже не только из-за любимого велосипеда, но еще и из-за глазастой Анны.

Позже Симоняны переехали жить в Ереван, и случилось так, что глазастая Анна пошла в ту же самую школу, куда ходил Аристакек. Ее определили в тот же самый класс. Но в Ереване они не дружили. Так уж выходило, и Аристакек очень переживал по этому поводу. Он так и сказал однажды Ашхен:

– Мама, мне очень плохо! – Уже семиклассник Аристакек, вернувшись со школы, чуть было не плакал.

– Отчего тебе так плохо, джанс? – спросила мама.

– Не знаю, но мне очень плохо, – постеснялся он назвать настоящую причину.

Семиклассник Аристакек удалился в свою комнату. Он включил магнитофон и лег на диван лицом вниз. Он лежал так и прокручивал в памяти весь этот день, который ему казался ужасным: половину класса записали в кружок самодеятельности, а его, Ариса – нет. Он подумал, что не надо было ходить в школу в тот день, и ему от этого стало еще хуже.

Потом дверь комнаты открылась, и вошла мама.

– Тебя кто-то по телефону спрашивает, – сказала она.

– Это Хорен? Или это Гаспар?

– Нет. У твоего друга Гаспара очень звучное имя, скажу я тебе.

– Так это не Гаспар? Не хочу я ни с кем говорить!

– Я же сказала, что нет, джанс. Это не Гаспар. Зачем переспрашивать?

Аристакек пошел в прихожую и взял трубку.

– Здравствуй, Арис. Это Анна. Мне очень и очень плохо, и я одна дома. Давай поговорим немного. Ладно?

– Конечно! Конечно!

Когда Аристакеc положил трубку, рядом стояла Ашхен и улыбалась.

– Мама! – Аристакеc обнял Ашхен и поцеловал. – Мама! Мне теперь очень хорошо. Очень!

Он был счастлив. Его счастье состояло, может, в том, что он еще не знал, сколько раз ему будет плохо в течение своей жизни. Но ему это теперь знать не надо было: ему просто было очень и очень хорошо. А потом прошли школьные годы, не оставив ни в сердце, ни в душе ничего такого, что стоило запомнить. Когда же в очередной раз наступил март, засветило солнце, закапало с крыш и в Ереване началась настоящая весна, закончились очередные каникулы. Ученики встречались у входа в школу, радостно бросались друг к другу и рассказывали о том, как провели каникулы. Было шумно, в классе царил хаос, который продолжался до прихода старой учительницы литературы Нелли. Когда она вошла, все угомонились и расселись по своим местам.

Одна красивая большеглазая девушка села у окна, а один очень красивый парень – у противоположной стены, тоже, как она, на последней парте. И что-то между ними случилось, чего они и представить себе не могли. Они учились в одном классе уже несколько лет, но совсем не знали друг друга, и вот то, чего не происходило за все эти годы, произошло за десять дней каникул. И вот она сидела у окна, он у стены, а учительница рассказывала о каком-то поэте, рассказывала весь урок.

Когда занятия кончились, девушка и парень пошли домой вместе, потому что им было по пути – но не только поэтому. Учительница же подумала, что стоит завтра посадить их за одну парту. Вот только будет ли это педагогично? Девушкой и парнем были Анна и Аристакеc.

Глава 7

В году 1988-м весна в Ереван пришла рано. С середины февраля стало настолько тепло, что снег, выпавший еще в начале января и потом замерзший, растаял. Зашумели водосточные трубы, и солнце отражалось в бесчисленных больших и малых лужах. Ереван с первых же дней оттепели оживился и, казалось, с улыбкой вбирал в себя солнечное тепло.

Воздух стал прозрачен, и подул легкий, сухой ветер, которого не надо было бояться и с ужасом ждать: вот опять задует!..

И по улице можно было ходить, не торопясь, высоко подняв голову и распрямив плечи. И душу наполняла радость: неужели весна? Боже, неужели зима кончилась?! Хотя тогда еще не было страшных зим.

Нельзя было усидеть дома, и нужно было выйти на улицу и бродить, бродить бесцельно, бессмысленно по улицам города.

Приятно было дышать теплым воздухом весны, в котором ощущалась сухость и какой-то странный аромат несуществующих цветов, пахнущих давними воспоминаниями детства, состоящими преимущественно из смеси каких-то лекарств (заболеваешь обычно весной, в марте), запахом маминых пирожков с картошкой и еще запахом магнитной ленты бобинных кассет, которых уже давно не было, – этот запах остался в детстве.

И много было в душе тогда, в тот год, когда весна наступила рано. Была музыка, отрывающая тебя от земли. Музыка, похожая на одну из фортепьянных сонат Бетховена, смешанная с квартетами Моцарта. Но Бетховен еще не слышался явственно. Для Бетховена был уготовлен мятежный март. Тогда же, в ту раннюю февральскую весну, слышался вечно молодой Моцарт. «Мой нежный Моцарт», – как однажды сказал папаша Гайдн...

И тогда началось нечто, тоже своего рода иллюзия, только теперь уже иллюзия второй половины 80-х годов, которая разлетелась на тысячи маленьких осколков. И тысячи были на улицах Еревана. И тысячи добились своего, хотя и были разочарованы чем-то, и разочарование лишило энергии эту тысячу, и у тысячи опустились руки. И долго, очень долго она не могла поднять их... Потому что была война.

В последний день 1990 года Вардан и Ашхен поехали к друзьям встречать Новый год, взяв с собой младшего сына Аршо. Аристакес сказал, что останется дома и к нему в гости придут Хорен и Гаспар. Это было тем декабрем, когда так сильно пахло весной. Да и казалось, что уже наступила весна, как бы невероятно это ни было.

Вот так! Однажды в Ереване в декабре наступила весна. Было так тепло, что люди ходили в легких куртках и пиджаках вместо тяжелых шуб и пальто. С крыш капало, весь снег растаял, и улицы быстро высохли. Люди очень удивлялись этому и часто поднимали голову посмотреть, настоящее ли это солнце или их обманули, но солнце было настоящим, и оно светило, как в апреле. Все время дул сухой ветер, и деревья раскачивали ветвями, словно проверяя, действительно ли так тепло или это им кажется, но, решив, что все-таки это весна, успокоились, и на их ветках стали появляться почки, даже птицы прилетели с юга, чтобы посмотреть, что же происходит в этом городе.

И так продолжалось до самого Нового года.

Весь день 31 декабря было тепло, и вот наконец наступила ночь, и часы проббили двенадцать.

– Посмотри, пожалуйста, что делают наши деревья во дворе. На них уже появились листья? – попросила Анна. Она была слегка пьяна от шампанского.

Аристакес встал и открыл окно.

– Ну, что там? – спросила она.

– Снег идет!

Они помолчали.

– Жаль деревья. Они так верили, что наступила весна! – сказала она. – Деревья на нас похожи. Обнимаются под землей, переплетаясь корнями, чтоб никто не увидел. Тайком.

– Ничего. Весна никуда не денется. Просто по случаю Нового года выпила немного и подумала, что пришел ее черед, но теперь протрезвела и удивленными глазами смотрит, как идет снег, – ответил Аристакеc и вернулся к Анне.

– А это ничего, что мы занимаемся такими вещами? Нам ведь еще всего по шестнадцать, и мы пока ходим в школу... – сказала Анна.

– Конечно ничего, – ответил Аристакеc и поцеловал ее в губы. «Запомни этот поцелуй, – приказал он себе. – Тебе понадобится для рассказа...»

Именно той осенью он начал писать короткие рассказы и теперь понял, для чего было то, что началось с самого раннего детства: «Запомни это! Запомни это! Это пригодится!»

Школу Аристакеc окончил в 91-м и поступил на исторический факультет. Он всегда помнил это лето. Окончив тем летом школу и поступив в институт, они – три закадычных друга – поехали на дачу к родителям одного из них в Птгни¹², недалеко от Еревана, и впервые написались по-настоящему.

В тот день, когда солнце зашло, поднялся ветер. На веранде той дачи, где они сидели, постепенно становилось темно, и они зажгли свет. На грубом деревянном столе было несколько пустых бутылок, три рюмки и три грязные тарелки. Они много выпили и, устав от этого, просто теперь сидели на веранде и смотрели на все больше темнеющие поля. Внизу от ветра шумел сад, и шелест листьев усиливал некоторую таинственность, навеянную лампочкой в сто ватт, горевшей с потолка террасы и привлекающей всякую мошкарку. Хотелось прямо с веранды броситься в сад и утонуть в нем.

– Мне никогда не было еще так хорошо, – сказал Хорен и вздохнул. Он встал из-за стола, пошел и сел на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в сад. – Это действительно очень хорошо. Хорошо, что мы здесь, хорошо, что мы выпили, хорошо, что мы втроем.

Гаспар и Аристакеc продолжали сидеть за столом и курили. После такой длинной речи Хорена они переглянулись, и Гаспар пожал плечами.

– Может, он слишком много выпил, – сказал Аристакеc, хотя они все выпили одинаково много.

Хорен между тем продолжал:

– Мы приехали сюда на дачу, и нам хорошо. Кажется, что мы совсем на другой планете; нас не мучают никакие проблемы, и мы спокойны. Мы сидим на лестнице и слушаем, как шумит сад; потом мы можем поднять головы и увидеть черное небо и миллионы звезд. Боже, какое здесь небо!..

Гаспар и Арис взяли сигареты, спички и пошли к Хорену на лестницу. Гаспар сел по его левую, а Аристакеc по правую руку. Они закурили. Когда Гаспар подносил огонек Хорену, чтоб тот прикурил, Аристакеc увидел, что Хорен спокоен, и лицо его торжественно, и глаза его блестят. Он действительно был сильно пьян, но Аристакеc был уверен, голова его отлично работала. Это бывает, когда выпьешь; ум проясняется и работает удивительно быстро, ты как будто раздваиваешься, отодвигаешься от самого себя, и взгляд на вещи у тебя становится абсолютно объективным...

Они сидели на ступеньке лестницы и курили. Иногда по дороге, которая была за полями, проезжал автомобиль, и они видели, как свет фар его освещает местность.

Хорен говорил:

¹² Птгни – село недалеко от Еревана, в Котайском марзе, с монастырем «Птгнаванк» VI–VII вв. Там были построены и дачи.

– Вот проехала машина. Мы не знаем, куда она направлялась, но знаем, что в этой машине сидела какая-то судьба, еще один характер, еще одно рождение и еще одна смерть. Кто знает, может, он превысит скорость, не сможет взять поворот и вместе с машиной свалится в пропасть (тут Гаспар постучал по деревянной лестнице), а может, и нет. Он, может, отлично доедет до места, куда он ехал, но это не важно. Вы представляете, о скольком он может подумать в эту звездную ночь, пока едет! Может, за этот переезд он подумает о том, о чем никогда раньше не думал! И к утру, когда он доедет, он почувствует себя совсем другим человеком! Нет, вы подумайте, о скольком он может подумать, глядя на дорогу, освещенную фарами машины; на дорогу, которая распрямляется перед ним на поворотах; обязательно распрямляется, потому что если она не распрямится, то это будет означать, что он не смог взять поворот и свалился в пропасть...

Гаспар опять постучал по деревянной лестнице, и Аристакеc улыбнулся. Хорен, сидевший между ними, обнял их за плечи.

– Вы не представляете, какие вы хорошие и как я вас люблю!

– Господи! – пробормотал Гаспар.

Хорен рассмеялся.

– Нет, я серьезно, – сказал он, – я очень рад, что мы вместе. Ведь правда хорошо?

– Потрясающе! – сказал Аристакеc.

– Знаете, я бы всего этого не сказал, если б не был пьян, – вдруг сказал Хорен, засмущавшись.

– Ничего, – сказал Гаспар, – это лишний раз доказывает, что иногда полезно выпить.

– Давайте закурим, – предложил Аристакеc, и они опять закурили.

Ветер все время усиливался, и они подумали, что, наверное, небо заволакивают тучи, и это действительно было так. Они поняли это по тому, как звезды на небе постепенно начали гаснуть.

– Завтра пойдет дождь, – сказал Хорен, – и, вероятно, будет туман.

– Это в наказание за то, что целую неделю была отличная погода, – сказал Гаспар.

– Да, и хорошо, что мы сегодня выпили. Успели-таки, – сказал Аристакеc.

– Да, хорошо, что именно сегодня. Сегодня волшебная ночь! – сказал Хорен и встал.

Минуту подумав, он опять сел. – Давайте сидеть до тех пор, пока на небе не останется ни одной звезды, – сказал он.

Они согласились и продолжали сидеть. Хорен все говорил и говорил, и они слушали. Хорен говорил о небе, о звездах, о лете, о них, об их будущем, какое оно у них будет большое и счастливое... Потом Гаспар принес еще одну бутылку, и они стали опять пить и пили до тех пор, пока не рассвело и не стал моросить дождь.

Тем летом они окончили школу. Им было по шестнадцать лет... И это был 1991 год.

С глазастой Анной роман продолжался у него довольно долго и после школы, продолжался пунктирно, вяло – они то сходились, то опять расходились, пока однажды его не пригласил на свой день рождения школьный товарищ. Там почему-то была и их одноклассница Анна, его Анна. Там были Гаспар и Хорен. Когда из динамиков магнитофона послышались первые гитарные ноты бессмертной композиции «Лед Зеппелин» «Since I've been loving you», Аристакеc пригласил Анну потанцевать.

– А ты знаешь, что этот блюз на семь минут? – спросил Аристакеc.

– А тебе уже надоело? – улыбнулась Анна.

– Что ты! Разве может мне надоест этот блюз, когда я танцую его вместе с тобой?

– Ты знаешь, бывали такие, которым надоело.

– Значит, они были идиотами.

– А ты разве не идиот?

– С чего ты взяла?

Они рассмеялись. Он танцевал с глазастой Анной, и ему было хорошо и уютно. В комнате никого не было и царила абсолютная темнота. В такой темноте он даже не различал ее лица, но чувствовал, что она неотрывно смотрит ему в глаза, хотя, наверное, тоже ничего не видит. Они танцевали, и он чувствовал ее теплое дыхание на своем лице и жар ее руки, покоящейся на его плече.

Музыка вливалась в комнату, раскачивала и согревала, как хороший, выдержанный коньяк. Справа виднелись маленькие красные точки, одиноко мигающие на магнитофоне и показывающие уровень записи, а может, и уровень всего остального. Виднелись также пять маленьких огоньков от сигарет вышедших на балкон покурить его друзей.

Это был день рождения его друга, тоже начинающего писателя, и неудивительно, что тот пригласил его, Аристакеса. Но что тут делает Анна, единственная женщина среди этого мальчишника? Наверное, друг пригласил ее ради него? Очень мило с его стороны, думал Аристакес.

Блюз кончился. С балкона вернулись друзья и зажгли свет. Анна села рядом с Аристакесом. Он налил ей шампанского, себе красного вина и закурил. Они сидели на диване за слишком загроможденным столом. Тепло разливалось по телу, и ему было хорошо от вина и еще от того, что рядом, закрыв глаза, сидела чуточку опьяневшая Анна.

«Какое чудо, что она здесь! – думал Аристакес. – И не важно почему, важно, что здесь, в этой комнате, он может, сев поглубже на диване, положить голову ей на плечо, а она склонит к нему свою, и ее волосы будут щекотать ему лицо...

– Твое здоровье, Ан.

– Твое здоровье, Арис.

Они выпили, он был уже по-настоящему пьян и, поднявшись, чтобы стряхнуть пепел в пепельницу, стоявшую на другом конце стола, сильно качнулся. Сев снова и обведя глазами друзей, он подумал, как удивительно проясняется голова, когда выпьешь, и как жаль, что нельзя писать, когда пьян; он этого себе никогда не позволял.

А за окном только что кончился дождь, и улицы теперь были мокрые, и из открытой балконной двери веяло свежим воздухом. Он истосковался по этому запаху, который бывает таким только в этом городе. Снова зазвучал блюз.

– Анна, потанцуем?

– Давай. – И снова было тепло, уютно, темно... – А ты знаешь, я вышла замуж.

– Что?

– Ты не знал?

– Нет.

– Ну, так вот...

– А за кого?

– За Эрика. По-твоему, почему я здесь, одна среди вас?

– Не знал.

– Ты что, правда не знал?

Оставив всех в комнате, он перебрался в кухню, где никого не было. Там он сел на пол под распахнутым настежь окном и поставил рядом с собой только что откупоренную бутылку, бокал, сигареты и пепельницу.

Почему-то шел дождь, и это было удивительно, потому что днем на небе не было ни облачка. А теперь вот шел дождь, гроза. Капли дождя лопались, ударяясь об асфальт и крыши проезжающих внизу автомашин. И как-то хорошо пахло дождем и еще весной, и внизу город поблескивал миллионами огней и тоже радовался, что идет дождь.

Он выпил уже полбутылки и решил напиться по-настоящему, выпив и вторую половину, напиться назло, но не знал, кому именно назло он хочет напиться. Просто пил и все, и уже был достаточно пьян, хоть голова и продолжала работать четко и ясно.

Когда в бутылке оставалось уже совсем мало, он произнес тост «за тех, кому везет», выпил залпом и с улыбкой на лице закрыл глаза. Он ни о чем не думал, просто слушал шум дождя. А потом через пятнадцать минут, или около того, он подумал, что не надо было так напиваться, но потом сказал вслух:

– Плевать... – и опять улыбнулся.

Потом Аристакеc попрощался со всеми и вместе с Хореном вышел в ночь. Улицы так и не успели высохнуть; они были все еще мокрые, когда снова пошел дождь.

«Зато я пишу лучше, чем Эрик», – подумал Аристакеc совсем по-детски.

Когда они вышли, оба были очень пьяные. На улице никого не было, и лишь изредка проезжали автомобили. После шумной, теплой квартиры, где на всю мощностъ играл магнитофон, улица казалась особенно тихой, и было холодно. Они пошли вверх по проспекту Баграмяна, курили одну сигарету за другой, и им казалось, что это помогает им быстрее протрезветь. Арис молчал, а Хорен ругался матом. Он медленно с расстановкой произносил каждое слово, и Арис удивлялся, как это его друг может составлять столь сложные предложения. «Наверное, – думал Арис, – на этой вечеринке его тоже очень рассердили, вот Хорен теперь и ругается». Но он не был уверен. Он весь вечер был, по существу, с Анной, которая – тоже, кстати, очень пьяная – твердила все время, что между ней и Арисом все покончено...

Часть вторая

Глава 8

Всю ночь палатку, разбитую на песчаном берегу озера Севан, под шеренгой сосен, трепал ветер. Рождаясь где-то в горах, он с жутким воем стремительно рвался вперед и, выскочив из-за холмов, набрасывался на озеро и хлестал по воде, и звук при этом получался такой, какой бывает, когда хлещешь кнутом по стальному листу. Время от времени он все же затихал, и тогда становилось непривычно тихо, слышался лишь шум прибоя: волны с шипением накатывали на берег и, теряя силу на прибрежных камнях, отползали обратно. Но затишье длилось недолго, и опять откуда-то срывался ветер, и вой его слышался задолго до того, как он прилетал и, скользнув по крыше палатки, принимался хлестать по озеру.

Когда только-только начало светать, доктор Арман, известный в Ереване хирург, оделся и вышел из палатки.

Похолодало. Ветер с рассветом улегся, но все еще был сильный прибой. Доктор Арман отошел от палатки метров на пятьдесят, помочился за кустами, потом, набрав сухих веток, вернулся и разжег костер. Вскоре начало всходить солнце, как всегда красиво и величественно. Озеро, темно-синее до тех пор, стало менять цвет: сначала на воде появлялись лазурные полосы, потом они расширились, пока все озеро не приобрело лазурный оттенок. Только узкая полоса вдоль берега стала светло-фиолетовой и такой оставалась весь день. Когда взошло солнце, подул слабый ветерок, зато волны сразу же успокоились и уже не набрасывались с таким голодно-свирепым шипением на берег.

Доктор Арман приготовил себе кофе. Он сидел на складном стуле в десяти шагах от воды, смотрел на меняющееся цвет озеро и пил кофе, приготовленный по-турецки, на угольках, из большой черной чашки, специально привезенной из Еревана. Когда пьешь такой кофе, чувствуешь запах, вернее, вкус дыма, и с этим, был уверен доктор Арман, ничто на свете не может сравниться...

О, этот утренний ритуал кофе, когда пьешь его из большой чашки, к тому же куришь первую за день сигарету! Доктор Арман был кофеманом и пил очень много кофе, и, хотя сердце его уже работало с перебоями, он не обращал на это никакого внимания и лишь глотал таблетки. Кофе был важнейшим стимулом жизни, и доктор не собирался отказываться от этого «бальзаковского» образа жизни. Для него – скольким это знакомо! – день терял смысл, если он утром не пил кофе, и поэтому кофе был всегда, как, впрочем, всегда были и сигареты. Доктор Арман был уверен, что сначала был кофе, потом все остальное, и поэтому, когда он просыпался, он сначала пил кофе, потом уже делал все остальные дела. Кофе был божеством Армана, и естественно, как и любого другого божества, его становилось все больше и больше. Если б Арман был поэтом, он бы написал оду Кофе, но доктор не был поэтом – хотя и поэтическое не было ему чуждо – и поэтому ему приходилось лишь пить этот БОЖЕСТВЕННЫЙ напиток и получать удовольствие и тахикардию.

В августе 1993 года ему исполнилось пятьдесят пять лет. Доктор Арман был выше среднего роста, немного полноватый, но крепкий, все еще атлетического сложения; у него уже начали седеть волосы, у него была борода, глубоко посаженные умные глаза и, как говорили, золотые руки, из чего следует делать вывод, что он действительно был хорошим хирургом. Работал он в больнице № 4 и был уважаем среди коллег и всю жизнь менялся, причем менялся в худшую сторону, как все говорили, и вряд ли сам это замечал. Трудно сказать, осознавал он или нет, что с каждым годом все больше терроризирует семью, становясь самодуром. Одно он видел ясно, что все больше замыкается в самом себе и отстраняется от других, что приводило

к полному одиночеству. В нем постоянно шла некая внутренняя работа, скрытая от других, но разрушающая его силы и здоровье. Он слишком часто стал задавать вопросы, ответы на которые, естественно, не мог найти, и это его делало еще более отстраненным и мучило. Но однажды эти поиски (поиски чего?) привели его к мысли, что чего-то не хватает в жизни, что жизнь он свою проживает совсем не так, как надо. Эта новая мысль стала отправной точкой в новых его «поисках», совершив некую революцию. Так иногда бывает: доживаешь до своего полстолетия, и тебе кажется, что ты свою жизнь прожил напрасно, неинтересно, не взял от нее все, что она могла дать. А причина в том, что вел слишком правильную жизнь. Да-да! Слишком мало совершалось в жизни безумств, тяга к возвышенно-романтическому все время подавлялась, уничтожалась работой, повседневными заботами. В школе учился отлично (окончил ее в 69-м), в том же году поступил в мед, окончил его с красным дипломом, женился и так далее и так далее. И ни одного безумного поступка за пятьдесят пять лет!..

Новым и очень важным открытием доктора Армана стало то, что он почувствовал, что больше не любит Клару. Прожив с ней двадцать один год, он вдруг понял, что и не любил ее никогда. И это стало началом конца, и все с тех пор стало рушиться прямо на глазах, и жизнь вовсе потеряла свои краски, и самое страшное было – обида за годы, прожитые с нелюбимым человеком. Тогда и появилось это чувство безразличия ко всему окружающему, и оно уже не отпускало его. Только за последний год доктор Арман из здорового во всех отношениях человека превратился в тень самого себя, стал совсем другим человеком. Если с ним раньше, мягко говоря, было очень трудно, если раньше его просто называли мрачной личностью и самодуром, то теперь рядом с ним и вовсе невозможно было находиться, не говоря уже о том, чтоб жить с ним под одной крышей. И никто, никто на всем белом свете не видел, не догадывался о той работе, которая совершалась внутри. Не видела, не понимала ничего и Клара, его жена, которая, поскольку Арман менялся в течение всей жизни, перелом последнего года просто прозевавала, приписав возросшую грубость возрасту своего супруга. Между тем Арману все больше и больше не хотелось жить. Что же касается его близкого друга Гарика, то тот просто прощал ему участвовавшие выходки и вспышки бесцеремонности и невозможной грубости. Гарик простил ему даже то, что тот однажды обозвал его жену Нонну «задумчивой душой», после чего Нонна весь вечер проплакала на кухне (пришли в гости к друзьям) и не хотела слушать извинения Клары, к которой Арман все больше терял интерес, как впрочем, и к дочерям, друзьям и работе. Казалось, он погружается в какую-то тяжелую, давящую дремоту, какой-то летаргический сон. В нем появлялась не присущая ему раньше вялость, даже заторможенность, которая, однако, перемежалась с непонятными приступами ярости. Если он не был чем-то занят, то его чаще всего можно было видеть сидящим в каком-то углу и смотрящим в одну точку. Состояние полнейшего равнодушия и безразличия ко всему окружающему у него все больше усугублялось, а дома он и вовсе ничего не делал. Возвращался в семь-восемь часов вечера, обедал, причем во время обеда не произносил ни единого слова, хотя и Клара всегда сидела перед ним, потом ложился с книгой в руках и тут же засыпал, а ночью до самого утра мучился бессонницей. Такое состояние полнейшей апатии продолжалось уже год и продолжалось бы еще больше, если б не шеф доктора Армана, заведующий больницей, который заметил, что с его хирургом что-то происходит неладное. Бывало неоднократно, что Арман в самом разгаре операции швырял инструменты и выходил из операционной, оставляя закончить операцию своим ассистентам. Когда слухи об этих выходках дошли до Старика, то есть главы больницы № 4, тот не замедлил вызвать Армана в свой кабинет. Когда Арман вошел и закрыл за собой дверь, Старик, его шеф и учитель, несмотря на свой преклонный возраст, все еще сохранивший энергию и ясный ум, спросил:

- Что происходит, Арман?
- Не знаю, – честно ответил тот.
- И давно?

- Достаточно долго.
- Однако на работе это стало отражаться совсем недавно, правда?
- Да.
- Что же в действительности происходит?
- Я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не знаю.
- Наверное, ты устал?
- Может быть... Устал... Да-да, я очень устал, очень! Я так устал!

Посмотрев внимательно на Армана своими маленькими пронизательными глазками, Карлен Серопыч чуть ли не насильно отправил Армана в месячный отпуск, приказав как следует отдохнуть и вернуться полностью восстановившимся. Старик также добавил:

- Иначе нам придется расстаться.

Посмотрев на академика, Арман понял, что тот не шутит.

Первую неделю он просидел дома, ничего не делая, и до того довел всех, что Клара начала жалеть, что Арману дали отпуск, хотя вначале очень радовалась этому. Вторую неделю вся семья была занята экзаменами Эвы, которые та сдала на «отлично». После экзаменов Арман и решил поехать с семьей на озеро Севан и отдохнуть недельку-другую, причем не в какой-нибудь пансионат или гостиницу, а «диким» образом. Сразу же вся семья восстала против этого, но Арман настоял на своем, и вот семья в полном составе оказалась на песчано-каменистом берегу озера, где было суждено ему познакомиться с красивой молодой девушкой по имени Татев, которая и оказалась той силой, которая призвана была вывести Армана из состояния душевной комы. Будь на месте Татев любая другая, произошло бы то же самое. Это как гипнотизер, который выводит из состояния сна щелчком пальцев. Татев выполнила роль этого щелчка. И теперь то безумно-романтическое, многие годы подавляемое, проснулось; ту невероятную силу, мощь, лавину выбросило наружу, и она готова была затопить все окружающее. Доктор Арман проснулся, час его пробил, но, к сожалению, слишком поздно, когда ему было уже пятьдесят пять лет. Романтически-безумное слишком долго в нем спало.

Когда доктор Арман вернется с озера Севан в Ереван, у него будет еще более подавленное настроение, которое у него уже не пройдет никогда, и вскоре он сделается окончательно равнодушным ко всему окружающему миру, его мало что будет интересовать. Пока он не встретит во второй раз Татев. Спустя четыре года, летом 1997 года, он сделается заведующим отделением в больнице № 4 и будет употреблять кофе втрое больше, чем в 1993-м. Доктор Арман умрет в декабре 2000 года от разрыва сердца, не дожив до назначенной свадьбы дочери всего три дня...

А пока, в августе 1993 года доктор Арман в отличнейшем настроении сидел на складном стуле на берегу озера Севан и пил кофе. Костер, предоставленный сам себе, начал гаснуть. Низко над водой летали чайки, при каждом повороте кончиками крыльев, как бритвой, рассекая гладь озера. Увидев с воздуха рыбу, они пикировали в воду и взлетали уже с добычей в клюве. Но иногда рыба срывалась, и чайка, разочарованно вскрикнув, делала несколько кругов над тем местом, где потеряла ее. Другие чайки при этом начинали истерично хихикать, подобно старым девам, злорадствующим над очередной неудачей подруги, у которой вот-вот должно было что-то получиться.

Из-за того, что солнце взошло совсем недавно, воздух был чист и прозрачен, и с берега можно было видеть далекие Гегамские горы по ту сторону озера, а также горы, которые были еще дальше. Доктору Арману был виден еще и полуостров, глубоко вдающийся в воду и соединяющийся с берегом узким перешейком; виден был и реставрирующийся монастырь на этом самом полуострове, который когда-то был островом. Доктор подумал вдруг, что то место, где он сидит сейчас, было дном озера, и мысли вдруг с пугающей стремительностью помчались на тысячелетия назад, когда озеро Севан, которое тогда никак не называлось, покрывало вершины этих холмов, с которых теперь слетал ветер...

– Арман? Опять встал ни свет ни заря? – услышал он позади себя. Это была жена, Клара. От неожиданности он даже вздрогнул. – И что тебе не спится?

– Не знаю, – ответил Арман. – Куда собралась?

– В кусты. Куда ж еще? Потом еще лягу спать.

– Так можно проспаться всю жизнь, дорогая, – иронично сказал доктор, но Клара нетерпеливо отмахнулась.

– Перестань! Если ты думаешь, что я в восторге от этого дикого отдыха, то сильно ошибаешься!

Доктор Арман промолчал. Клара, проваливаясь в песок и спотыкаясь о камни, пошла вдоль берега; муж смотрел ей вслед и думал, какой она стала толстой, некрасивой.

– Не хочешь поспать немного? – спросила Клара, вернувшись.

Муж покачал головой:

– Нет. Я уже выпил кофе.

– Кофе, кофе... – пробурчала Клара. – От тебя только и слышишь, что кофе! Ничего, кроме кофе и сигарет. – Она опустилась на четвереньки и влезла в палатку, а доктор почувствовал, что от его хорошего настроения почему-то ничего не осталось.

Солнце грело все сильнее и сильнее, и чайки уже летали высоко, и далекие горы уже не были видны из-за дымки. Арман, проснувшийся раньше всех, просидел в одиночестве на берегу еще пару часов. А потом стали просыпаться его две дочери, жена, стал просыпаться ото сна весь палаточный городок. Для доктора Армана и его семьи начинался третий день отдыха на берегу озера Севан.

Старшая дочь Армана, Лора – домашние называли ее просто Ло – вышла из палатки и сразу же пошла к воде умываться. Умывалась она недолго – вода была еще холодная, – а когда возвращалась обратно к палатке, увидела отца, сидящего перед погасшим костром. Когда она спускалась к воде, она его не заметила; теперь же Лора подошла к Арману, обвила его шею руками и поцеловала.

– Бари луйс¹³, папа, – сказала она. – А я тебя и не заметила.

– Ты меня часто не замечаешь в последнее время. – Доктор Арман улыбнулся.

– Неправда! – запротестовала Лора, хотя и знала, что отец прав: все больше отдаляясь от отца, в последнее время она, наоборот, больше сближалась с матерью. Поцеловав его еще раз, Лора пошла в палатку «привести себя в порядок».

Лора, как и Клара, была шатенкой; у нее были голубые глаза и очень белая кожа, под которой были видны синие прожилки, особенно под глазами. В августе 1993 года ей уже исполнилось двадцать лет, и она училась в меде. Лора, которой нравилось распускать свои удивительно длинные волосы, любила много читать, любила и знала музыку и вообще была человеком возвышенным и, как говорят, «не от мира сего». Здесь, на озере Севан, она мало купалась, предпочитая больше лежать в гамаке и читать какую-нибудь книгу. Она время от времени отрывалась от чтения, бросала мечтательный взгляд на лазурные воды озера, на полуостров вдали и снова принималась читать. Ей нравился такой вид отдыха, однако ей бывало холодно по ночам, и она не могла уснуть из-за воющего ветра.

Лора в свои двадцать лет плохо представляла, откуда берутся деньги – все, что ей необходимо было, ей покупали, – она не умела готовить, штопать, пришивать пуговицы, не мыла посуду, не стирала, не убирала квартиру, даже свою собственную комнату. Ее общественно-полезная роль в доме ограничивалась тем, что она время от времени вытирала пыль с пианино, на котором, кстати, неплохо играла, причем это делала с таким отрешенно-рассеянным видом, что все покатывались со смеху: «Лора работает!» Младшая же сестра ехидно предостерегала ее:

¹³ Доброе утро (арм.)

– Ло, смотри, не переутомись!

Клара сначала сердилась Лориной инертности, она жаловалась, что она одна уже не может содержать дом в чистоте, обстирывать всех, для всех готовить есть, но потом махнула рукой на старшую дочь, найдя некоторую поддержку у младшей дочери, Эвы. Доктор Арман, смотря на Лору, лишь качал головой, приговаривая, что «Ло будет трудно в жизни», а когда бывал пьян, говорил, что будущий муж Лоры заставит-таки ее работать.

Лора выйдет замуж в феврале 2001 года за Мартина Арамяна, с которым всю жизнь будет воевать, отравляя и себе и мужу жизнь. Мартин Арамян окажется богатым человеком, со связями, и деспотичным. Лора никогда не разведется с мужем, чтоб не оставить без отца двух сыновей, которых она ему родит, а может, и из-за страха самой лишиться сыновей, которые, несмотря ни на что, будут обожать Мартина Арамяна, своего отца. Лора Арамян будет работать в одной из ереванских поликлиник, куда устроится работать после окончания медицинской академии, благодаря связям доктора Армана.

Но это все будет потом. Теперь же, в то августовское утро 1993 года, Лора, старательно причесав свои удивительно длинные волосы и связав их в хвостик сзади, вышла на свет божий. В одной руке у нее был Альфред де Мюссе («Исповедь сына века»), в другой – пара яблок. Яблоки были второй после книг страстью Лоры. Она села в гамак, поправила панамку на голове, чихнула пару раз – под тенью сосен все еще было холодновато – и открыла книгу. И ничто ее больше не интересовало.

К тому времени из палатки вышла младшая дочь доктора Армана – Эва. Она была в купальнике. Подбежав к отцу, поцеловав его и сказав: «Доброе утро, па!» – она вошла в озеро.

– Вода ведь холодная! – крикнул ей с берега отец, но Эва ответила, что «ничуть». Проплавав минут пять, Эва подплыла к берегу и, не выходя из воды, попросила у отца «большое полотенце». Доктор Арман вскочил со своего складного стула, побежал в палатку за полотенцем. Когда Эва вышла из воды, он завернул ее в полотенце и стал растирать ее тело. Он чувствовал, как Эва дрожит.

– Заболеешь, – сказал он.

– Не заболею, па, не беспокойся, я ведь не Лора, – ответила дочь.

Она вошла в палатку снять купальник. Когда она, одетая в шорты, сандалии и красную майку, вышла опять из палатки, она объявила, что собирается прогуляться перед завтраком.

– Через полчаса завтрак будет готов, – предупредила Клара, но Эва заверила, что не опоздает.

– Не уходи далеко! – сказал ей отец.

Эва ответила:

– Я не маленькая!

Она пошла вдоль берега, у самой воды, разглядывая отдыхающих, разбивших свои палатки по всему пляжу, недавно проснувшихся, готовящихся завтракать. Эва не знала, зачем вдруг ей вздумалось пойти погулять. Но что-то ее подтолкнуло – и вот она уже идет по пляжу. Эва подумала, что очень часто не понимает, зачем совершает тот или иной поступок, предпринимает тот или иной шаг. «Это плохо!» – сознавала Эва, но ничего с собой поделать не могла, такой уж она уродилась: чрезвычайно импульсивной.

У Эвы (ей было 16 лет в 93-м), младшей в семье, как и у отца, были черные волосы, большие, как блюдца, глаза, всегда широко раскрытые, тонкий, идеально отточенный нос. Она была смуглее своей сестры и вообще представляла собой ее полную противоположность. В отличие от Лоры Эва была очень подвижной и энергичной, и если Лора могла часами сидеть и читать, то Эва не могла этого вынести и двух минут. Она не любила читать книги и воспринимала только танцевальную музыку (она неплохо танцевала). У Эвы, несмотря на всю ее импульсивность, были трезвый ум и практичный взгляд на вещи. Ее было трудно в каком-либо вопросе обвести вокруг пальца, да она никому и не позволяла делать это, как и вообще потешаться

над собой. Эва была общительнее сестры, быстро сходилась с людьми, однако, несмотря на всю свою открытость, она никого не пускала в потайные уголки своего сердца. Туда вход был запрещен даже сестре, матери и отцу, которых Эва любила до беспамятства. Арман и Клара, хорошо осознавая это, не могли поручиться за то, что до конца знают свою младшую дочь.

Коротко стриженные волосы делали Эву похожей на мальчика, и вообще в ней было что-то мальчишеское, озорное, хулиганское. В детстве, во дворе и в детском садике Эва играла исключительно с мальчиками, считая девочек «нюнями», которые по любому поводу готовы расплакаться. Она любила носить брюки и каждый раз, когда по «особым» случаям ее одевали в платье или юбку, поднимала рев, утверждая, что она не «девчонка». В школе все-таки до нее дошло, что она, как и мама и Ло, «девчонка», но от этого она не сблизилась с одноклассницами. Она продолжала дружить с парнями, и те очень гордились ее дружбой, говоря, что Эва – настоящий друг. Это вызывало, естественно, у одноклассниц чувство, очень похожее на зависть, потому что им тоже хотелось дружить с парнями, но нельзя было, так как в то время (шестой-седьмой классы) у девочек считалось, что с мальчиками дружить стыдно. Зависть приняла более определенные формы, когда, повзрослев, парни стали вверять Эве свои сердечные тайны. Эва была хорошо осведомлена, кто в кого был влюблен, и это бесило одноклассниц, потому что Эва не раскрывала им эти тайны. Что до Эвы, то она в свои шестнадцать лет еще не была влюблена, и никто из парней ее класса тоже не был влюблен в нее, хотя Эва была очень красива. Просто парни еще не могли оценить ее строгую красоту и потом: никому и в голову не приходило влюбиться в Эву; она была просто другом. Кстати, то, что в нее могут влюбиться, не приходило в голову и самой Эве. Она только знала, что однажды она выйдет замуж, и у нее будут дети, для которых она будет очень хорошей матерью. Так и будет. Замуж Эва выйдет за человека старше лет на десять, Левона Саргсяна. В отличие от сестры Эва будет счастлива, и ей будет лишь жаль, что отец не видит ее счастья...

Теперь же пока она окончила школу и собиралась на следующий год поступить в медицинскую академию, как и сестра. Будучи натурой цельной, Эва в свои шестнадцать лет все же разрывалась между двумя определяющими чертами своего характера: чрезмерной импульсивностью и четкой холодной рассудительностью.

Арман и Клара обожали своих дочерей, и никого из них нельзя было упрекнуть в каком-либо предпочтении. Однако Армана чисто бессознательно тянуло к младшей дочери, Клару же – к старшей. Происходило это, может быть, оттого, что Эва своим характером больше была похожа на мать, а Лора – на отца: он тоже все усложнял и не давал сам себе покоя. И именно поэтому доктору Арману всегда было легче с Эвой, они друг с другом очень хорошо ладили, у них все было понятно и просто, и она понимала отца с полуслова. С Лорой же очень часто бывало действительно очень тяжело...

Дойдя до каменной стены, за которой начиналась фешенебельная часть пляжа с коттеджами, гостиницами, прогулочными яхтами и катерами, Эва остановилась. Но ей не хотелось возвращаться той же дорогой, и она поднялась по крутому склону, вышла на шоссе и вдоль шоссе пошла обратно. Мимо проезжали автомобили, все с отдыхающими, которые почему-то махали ей рукой, а потом, громко просигналив, проехал бензовоз. Сверху, с шоссе, озеро Севан было очень красивое. Оно было «лазурнее» и, казалось, светилось внутренним светом. Оттого что отсюда не слышно было шума прибоя, казалось, что озеро сделано из лазурного стекла, однако, когда дул ветер, оно морщилось и как бы оживало.

Эва шла вдоль шоссе, а потом, увидев сверху родную палатку – ею кончался палаточный городок, – стала спускаться по склону, прыгая с камня на камень. Последние метры спуска она пробежала как угорелая и остановилась только у самой воды. Она тяжело дышала и вдруг рассмеялась, ощутив себя очень счастливой почему-то, даже подпрыгнула на месте несколько раз. По мере того как она приближалась к костру, который опять разжег отец и над которым колдовала мать, Эва почувствовала, что очень проголодалась.

– Где ты пропадала? – спросила ее Лора. – Мы тебя давно ждем.

– Гуляла, – хитро улыбаясь, ответила Эва.

На завтрак ели тушенку с макаронами и стуженное молоко, которое запивали чаем. Они сидели и лежали на одеяле, разостланном на песке, в тени сосен; одеяло служило им одновременно и скатертью. Все, кроме доктора Армана, ели с аппетитом: Лора, старшая дочь, – потому что перед завтраком съела два яблока, а яблоки, как известно, возбуждают аппетит; Эва, дочь младшая, – потому что плавала и гуляла; Клара – потому что у нее всегда был хороший аппетит. Что же до доктора Армана, то у него аппетита не было вовсе из-за кофе и сигарет.

После завтрака решили поплавать. Солнце припекало всюду, вода в озере была очень теплая. Плавала даже Лора, правда немного. Потом улеглись на песке позагорать. До них долетали восторженные крики и визг других пляжников, плескавшихся в воде.

– Господи, хорошо-то как! – вздохнула Эва.

– Это точно, – согласился доктор Арман, зная, что дочь, сдавшая трудные выпускные экзамены, полнее ощущает отдых и свободу.

Эва продолжала:

– Здесь, на Севане, все проблемы кажутся далекими, словно их нет вовсе. Проблемы все остались в Ереване.

– Когда ты вернешься, эти проблемы вновь тебя поглотят, – сказала Лора. – Если ты о них не думаешь, это еще не означает, что их нет. – Ло перевернулась на спину. У нее был голубой купальник под цвет глаз.

Эва ничего не сказала. Ей не хотелось портить настроение из-за Лориного упрямства. А настроение у нее было очень хорошее, и ощущение счастья ее все еще не покидало. Так бывает, когда чего-то ждешь и знаешь, что это нечто обязательно случится; бывают радостные ожидания... Лору же молчание сестры насторожило, она усмотрела в этом какой-то стратегический ход:

– Молчишь? Значит, тебе нечего возразить?

– Просто не хочу ввязываться, – улыбнулась Эва. Иногда ей казалось, что именно она старшая сестра, а не Лора.

Арман и Клара посмотрели друг на друга, потом Арман сказал:

– Знаешь, Ло, не всегда нужно воевать и бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.